

УДК 882(09)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А.Н. ТОЛСТОЙ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Бороздина Полина Андреевна,
кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет
(г. Воронеж)

***Аннотация.** Статья является ответом клеветникам и очернителям славного имени писателя-патриота Алексея Николаевича Толстого.*

***Ключевые слова:** А.Н. Толстой, художник, патриот, русский писатель, государственный, честь и достоинство; военная публицистика Толстого.*

A.N.TOLSTOY IN MODERN PERUSAL: POLEMIC NOTES

Borozdina P.A.,*Ph.d. (philos.), associate professor
Voronezh State University***Abstract.** *Article is an answer to slanderers of the glorious name of writer- patriot Aleksey Nikolayevich Tolstoy.***Key words:** *A.N. Tolstoy, painter, Patriot, Russian writer, gosudarstvennik, honour and dignity; military journalism of Tolstoy.*

В 1983 году, в год столетия со дня рождения Алексея Николаевича Толстого, в Москве, в Институте мировой литературы АН СССР, проходила научная конференция, посвященная его памяти. В докладах ведущих литературоведов раскрывались секреты творчества этого незаурядного писателя. Кроме того, перед нами, участниками конференции, выступали известные люди, знавшие А.Н. Толстого лично. Среди них был и сын писателя, Никита Алексеевич Толстой.

Помню, меня поразили его слова, обращенные к присутствующим: «Дорогие товарищи! Заступитесь за Алексея Николаевича Толстого».

Заступиться? За кого? За всемирно известного писателя, трижды лауреата Сталинской премии? За академика? Странно и непонятно!

Теперь, когда все в стране переменялось, когда ничего не стоит посмеяться над величайшими умами России, когда вся советская культура предается забвению и фальсификации, в том числе творческие и гражданские заслуги «третьего Толстого», меня уже ничего не удивляет.

То, как обращаются сейчас с его биографией и творчеством, вызывает возмущение и горчайшую обиду за великого писателя и человека, честно признавшегося в своих ошибках и заблуждениях и отдавшего большую часть своей жизни служению Родине и русской культуре.

Вот теперь стали понятными горькие слова: «Заступитесь за Алексея Николаевича Толстого». Теперь пришло время для тех, кто любит русскую классику и дорожит честью России, прервав молчание, выполнить просьбу сына талантливого русского писателя и патриота.

Возвращение А. Толстого на родину в 1923 году, его выступления в печати и публичные заявления были фактом исторического значения и большого гражданского мужества.

Не удивительно поэтому, что в условиях острейшего антисоветизма, развязанного белой эмиграцией против А. Толстого, началась ожесточенная борьба, которая не прекращается и по сию пору.

В последние годы после длительного молчания в печати и по телевидению стали появляться книги и передачи, посвященные Алексею Толстому под красноречивыми заголовками: «Красный шут» А. Варламова, «Беспутный классик и Кентавр», «"Бурбонская лилия" графа Алексея Толстого» Ю. Оклянского. Вышедшая же в 2008 году книга Алексея Варламова «Алексей Толстой» (серия ЖЗЛ) содержит в себе массу неточностей, ошибок, умолчания и прямых фальсификаций. Более нейтральным среди названных книг кажется раздел «Сталин и А.Н. Толстой» во второй книге Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели».

Каким же представляется в книгах Ю. Оклянского, А. Варламова и Б. Сарнова советский писатель А.Н. Толстой? Авторы, подробно останавливаясь на биографии писателя, стараясь дать якобы объективный портрет и выдвигая на первый план личностные качества Толстого, значительно меньше внимания уделяют художественному своеобразие его таланта, а также его мировоззренческим позициям. Интересно, что в книгах не один раз повторяется мысль о том, что А. Толстой был наделен природой редким даром слова, но весьма скудными умственными способностями. Сами авторы, конечно, никогда бы не рискнули употреблять столь сомнительные высказывания, поэтому они (особенно Варламов) широко и обильно цитируют бывших друзей Толстого, русских эмигрантов, не простивших ему возвращения на Родину и активного участия в социалистическом строительстве.

Знаменательно, что все три автора почти не касаются антифашистской деятельности А. Толстого в предвоенные и военные годы, ограничиваясь негативными оценками драматической повести «Иван Грозный» и участия писателя в Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний.

Каким человеком изображен А. Толстой в одноименной книге А. Варламова? (Повесть-исследование «Красный шут» я сознательно не затрагиваю, так как само заглавие говорит о ее содержании). Автор навязчиво называет А.Н. Толстого «графом» даже тогда, когда речь идет о Великой Отечественной войне, тем самым как бы отделяя его от всего советского народа. Он уверяет читателя, что с годами Толстой особенно ценил свой дворянский титул (1; 486). По мнению Варламова, главным у писателя было стремление играть роль шута («не злодеем он был, не ласкем, не негодяем, а шутом, хотя шутство его было горьким и отравленным» — с. 547).

Читая книгу Варламова, постоянно наталкиваешься на противоречия, особенно на тех страницах, где идет речь о Великой Отечественной войне. С одной стороны, автор пишет о том, что Толстой в свою публицистику вкладывал все свои силы, не щадя себя, а с другой — сам не верил в то, о чем писал. Кстати сказать, он, как и другие авторы книг, посвященных Толстому, даже не пытается проанализировать антифашистские статьи писателя и хотя бы несколько строк написать о том, как воспринимались они фронтовиками, партизанами и тружениками тыла.

А. Варламов утверждает:

– в годы Великой Отечественной войны Толстой был неискренним в своей ненависти к фашистам;

– «был прежде всего литературным работником, готовым взяться за любое дело, чтобы заработать. Героем труда. Хоть капиталистическим, хоть социалистическим» (с. 323);

– «ни во что, кроме себя, не верил». Писал «успешные романы», чтобы побольше заработать (с. 360). Главное в нем – жажда хорошо жить (с. 361). Работал за деньги, а не за идею (с. 393);

– Толстой не простил Белой армии ее поражения, разочаровался в ней и ее вождах и перешел на сторону победителя (с. 212);

– был неискренним в признании правоты социализма (с. 228);

– в Толстом художник обгонял мыслителя (с. 216);

– в войну писал ради денег, хотя их у него было предостаточно, «не мог остановиться, будь на дворе война, будь мир – не важно» (с. 535);

– в годы войны попал «под удар шовинизма», что отразилось в его публицистических статьях (с. 521);

– не щадит Варламов и эвакуированных в Ташкент писателей, которые, по его мнению, «ждали немцев и в 1918 году, ждали и теперь». Да и не все считали поражение в войне самым худшим (с. 526);

– дружба Толстого с Горьким не была искренней (с. 441);

– А. Толстой – один из авторов фальсифицированного «Дневника Вырубовой», что является очередным доказательством его продажности (с. 344, 395, 397);

– повесть «Хлеб» вызвана страхом перед репрессиями. Роман получился «нечитабельным, непропеченным, схематичным» (с. 499).

Автор признает незаурядный талант Толстого. Но... «не отнял Господь таланта у своего отступника и грешника, чревоугодника, циника, пьяницы и бабника, не наказал за измену Белому делу и для каких-то высших целей не только не забрал, но и упрочил его дар» (с. 413).

Книги Ю. Оклянского, казалось бы, созданы в другом ключе (они иные и по жанру), однако трактовка личности А.Н. Толстого и его художественного творчества по сути дела едина с А. Варламовым. Манеру изложения материала, характерную для опытного критика и литературоведа, можно охарактеризовать русской пословицей: «Ложка дегтя в бочке меда».

Каким же представлен А. Толстой в книгах Ю. Оклянского? Как известно, в первой его книге «Шумное заглохустье. Из жизни двух писателей» (Куйбышев, 1965) трактовка личности писателя была более чем положительной, а вся книга написана с советских позиций. В 1965 году Оклянский утверждает: «С августовского дня 1923 года, когда сорокалетний писатель сошел с парохода на Петроградскую пристань, началась вторая молодость Алексея Толстого».

Трудно назвать область его деятельности, где бы произведения Толстого не составили веху в развитии советской литературы, где бы он не явился пролагате-

лем новых путей. Советский роман-эпопея? – «Хождение по мукам». Исторический роман? – «Петр I». Советская сатира, политический памфлет? – «Ибикус», роман «Эмигранты». Короткая злободневная повесть из внутренней жизни страны? – «Голубые города», «Гадюка». Жанр научной фантастики? – «Гиперболоид инженера Гарина». Детская литература? – «Бура-тино» (с. 222-223).

Что же мы читаем теперь? Вот книга «"Бурбонская лилия" графа Алексея Толстого. Четвертая жена». Она строится как полуавантюрный роман, но вместе с тем претендует на научное исследование жизни и творчества Толстого – писателя и человека.

Автор пишет: «Пожалуй, ни за кем из крупных русских писателей первой половины XX века не тянулся такой длинный хвост легенд, анекдотов, сплетен и небывальщины, как за Алексеем Николаевичем Толстым» (с. 137). Отрицая мифы о Толстом, создавшиеся в кругах белой эмиграции («... приспособленец и лжец режима»), Оклянский отрицает и миф о «художнике-монументалисте, поднявшемся до вершин мировой словесности и эталона гражданского служения народу и людям после того, как он понял, что «марксизм – живая вода» (с. 154).

Ю. Оклянский представляет читателям свою версию личности и деятельности писателя, которая на поверку оказывается третьим мифом, близким к тому, который берет начало в суждениях белых эмигрантов, враждебных Толстому. Автор пытается соединить воедино оба мифа. В результате перед нами предстает двуличный, неискренний человек, готовый на все ради собственного благополучия. Известная бунинская характеристика: «Советский вельможа» и талантливый писатель, циник и романтик, рвач и мот, «редкая личная безнравственность» (с. 161) – становится у него основной составляющей образа Алексея Толстого.

Ю. Оклянский утверждает:

– Алексея Толстого обвиняли в беспринципности на общественном поприще. «Нередко так оно и было» (с. 305);

– он поддерживал в 30-е годы «процесс постепенного превращения страны в огромный концлагерь» (с. 381);

– сластолюбец и эпикурец, он часто работал «ради денег, за деньги ради удобной и красивой жизни и о том охотно писал. И этого не стеснялся» (с. 518);

– «Хлеб» – «подхалимская» повесть. Чересчур раболепное и худосочное произведение. Упрощенный до плакатности книжный фантом о роли Сталина в гражданской войне – роман «Хлеб» и близкая ему пьеса «Путь к победе» (с. 464 и др.).

Во второй книге «Беспутный классик и Кентавр. А.Н. Толстой и П.Л. Капица. Английский след» Ю. Оклянский, сравнивая двух выдающихся людей советской эпохи, двух академиков – физика П.Л. Капицу и писателя А.Н. Толстого, отдает явное предпочтение Капице. В нем он постоянно подчеркивает искренность, твердость убеждений, верность себе. В отличие от своего друга (кстати, как мог порядочный физик так долго дружить с «непорядочным» литератором?), А. Толстой здесь показан слабым свое-

корыстным человеком, сломавшимся и погибшим под гнетом прислужничества Сталину:

«Жадный поглотитель радостей бытия, Толстой любил комфорт: удовольствия, роскошь, а это значит, деньги, стремился к ним и этого не скрывал. Они нужны были ему для всех форм наслаждения жизнью. В этом он не знал удержу и не останавливался иногда перед крайними приемами» (с. 301);

Толстой «до крайнего надсада насиловал себя и шел на всевозможные политические уступки и уловки» (с. 498);

автор убежден в «идеологической неразборчивости и нравственной бесшабашности» писателя (с. 458);

он уверен в том, что интернированные польские офицеры были расстреляны в 1940 году войсками НКВД, и А. Толстой вместе с другими членами Особой комиссии дал ложные показания, превратившись в одну из фигур международного скандала и заведомого лжесвидетеля (с. 507). («Четверка заведомо назначенных лжесвидетелей вошла в историю как “Группа Бурденко”» — с. 510);

—Толстой был придавлен железной волей Сталина. «Сталин был человек-схема. У него была голова, государственный ум, безусловно незаурядный. Но сердца не было вообще» (с. 497);

драматическая диалогия «Иван Грозный» была написана под диктовку Сталина, и это сломило Толстого. В связи со «злосчастным сочинением» об эпохе Ивана Грозного вера в Сталина «сильно покачнулась, а надежда на него поколебалась» (с. 511). Сталин добивался от Толстого именно той трактовки, которой хотел. «Взгляды Толстого на образ и эпоху Грозного со сталинскими не совпадали» (с. 495);

переделки пьес диалогии сильно снизили ее художественность. Она стала «более ходульной и декларативной» (с. 511);

А. Толстой заболел в результате воздействия на него пресса со стороны Сталина, принудившего его вопреки исторической истине создать фальшивый образ Грозного. «Тень Грозного давно преследовала и убивала Толстого через самые разные вторжения современности» (с. 518);

образ Грозного в той трактовке, какую требовал Сталин от А. Толстого, был нужен вождю для оправдания собственного образа правления и преобразования, «безграничного единовластия и необузданного государственно-го террора» (с. 464).

Бенедикт Сарнов во втором томе книги «Сталин и писатели» (раздел «Сталин и А. Толстой») значительно осторожнее в оценках. Он больше пользуется материалом новейших исследований, чем известными суждениями белоэмигрантов. В целом же его отношение к А. Толстому резко отрицательное. По сути дела Сарнов не признает Толстого подлинным, классическим, историческим романистом. Автор настойчиво повторяет мысль о том, что все написанное Толстым на историческую тему — сплошь ассоциации с советской жизнью.

Основные положения исследования Сарнова:

«Петр Первый» — историческая параллель с концом 20-х и серединой 30-х годов (с. 37);

художественные произведения на историческую тему, созданные в 30-40-х годах, являют собой «дикую смесь разных трудносовместимых идеологических парадигм» (с. 47);

роман «Петр Первый» создан по заказу Сталина (с. 102, 105, 128), и лишь по счастливой случайности сталинская концепция «совпала с его собственной» (с. 128);

роман получился лживым, и об этом «знал не только он сам, но и каждый мало-мальски осведомленный читатель» (с. 179);

повесть «Хлеб» написана в угоду Сталину, которому надо было возвеличить себя (с. 170). Душа его не лежала к этому произведению, но страх перед репрессиями 1937 года заставил Толстого взяться за эту тему;

лживой была и драматическая повесть «Иван Грозный». В историческом смысле она представляет собой «наглую и откровенно невежественную чушь, а в художественном отношении — самую низкопробную халтуру». Но эта сторона дела Алексея Николаевича в то время уже мало заботила» (с. 221-222).

Таким образом, перед нами сходные позиции трех критиков в отношении трактовки творчества и личности А.Н. Толстого. Характерно, что изданы были эти книги в период оголтелой борьбы со всем советским, бесцеремонной ревизии русской истории, десталинизации, развязанных в последние годы.

Необходимо отметить и еще одно многозначительное совпадение. Это полное игнорирование патриотической деятельности Толстого в годы Великой Отечественной войны. Ведь если честно написать о вкладе А. Толстого в Победу, то от концепции личности писателя, положенной в основу книг Б. Сарнова, Ю. Оклянского и А. Варламова, ничего не останется. Все промахи писателя, все его человеческие слабости окажутся мелкими и ничтожными перед фактом великой заслуги Толстого в борьбе с фашизмом.

Нельзя не отметить еще одну черту анализируемых книг. Авторы (особенно Ю. Оклянский и А. Варламов) широко цитируют враждебные А. Толстому суждения, но совершенно игнорируют многочисленные работы советских исследователей творчества писателя (исключая разве только некоторые факты, приведенные Ю. Крестинским в книге «А.Н. Толстой. Жизнь и творчество» (М., 1960). Можно подумать, что советское литературоведение, в том числе огромное количество интереснейших и серьезнейших работ, посвященных жизни и творчеству А.Н. Толстого, — сплошь лакировка, ложь, сознательный или вынужденный обман. И только то, что написано после 90-го года, имеет право на обильное цитирование и безусловное доверие.

Все эти книги имеют слабую документальную оснащенность. В большинстве случаев их негативные и оскорбительные для чести и достоинства А. Толстого характеристики ничем не подкрепляются и по существу повисают в воздухе, что снижает познавательную ценность произведений и свидетельствует об их тенденциозности.

Данная работа посвящена главным образом анализу жизни, творчества и общественной деятельности

А.Н. Толстого в трагические и героические годы Великой Отечественной войны, когда он стал воистину народным писателем. Но чтобы показать его сложный и трудный путь к народу, мучительные поиски своего читателя, чтобы проследить, как формировались в его сознании и творчестве образ России и русского национального характера, необходимо было осветить основные вехи его жизни, дабы прояснить сознание читателя, заставить его задуматься и о современных проблемах исторического мышления.

Я буду говорить об А.Н. Толстом-художнике и патриоте, драматургией которого занималась профессионально, с обращением к архиву писателя, к работам ведущих «толстоведов». Со многими из них я имела счастье общаться лично, уточнять в живой беседе неясное. Мне известно, что современное литературоведение крайне неохотно обращается к материалам советского времени, особенно для подтверждения своей позиции, но я человек другой. Печатное слово не утратило для меня своей силы, к тому же за свою жизнь я привыкла проверять прочитанное, и не только своим жизненным опытом, но и документально. Потребность «защитить» А.Н. Толстого (как будто писатель такого масштаба нуждается в защите и оправдании!) возникла у меня в связи с явными попытками не просто оболгать реально жившего человека, но и лишить нас большого русского писателя, который и в советские годы оставался именно русским писателем, который искал в драматических событиях своей современности ответы на вопросы, тревожащие нас и сегодня.

Хотела бы надеяться, что читатель, внимательно ознакомившись с моими доводами, опровергающими нелепые выдумки современных исследователей-литературоведов, вспомнит о некогда популярном народном писателе и отдаст должное его заслугам перед Родиной и русским народом, без которых ему было «жить нельзя».

.....

Творческую жизнь А.Н. Толстого можно определить несколькими вехами. Это – установление своего места в истории русской литературы, поиски своего героя и путь к единству с русским народом. Самой трудной и самой мучительной была третья веха. Хронологически эти вехи разделить нельзя – они тесно связаны между собой.

Начало его пути к народу было заложено в детстве. Будущий писатель первые годы жизни провел на бедном хуторе Сосновка недалеко от Самары в семье малообеспеченного чиновника Алексея Аполлоновича Бострома и его гражданской жены, графини Александры Леонтьевны Толстой (урожденной Тургеневой). Настоящим отцом Алеши был граф Николай Толстой, но мальчик вплоть до поступления в реальное училище считал себя сыном Бострома и очень любил его.

Семья была на редкость дружной. Дружба и любовь подкреплялась тем, что она была почти полностью изолирована от дворянского общества, не желающего иметь ничего общего с женщиной, обвиненной церковными властями в «прелюбодеянии» и обреченной на пожизненное безбрачие.

Изоляции от заволжских дворян способствовало и умунастроение, царившее в семье. Там прочно жили традиции революционных демократов 60-х годов XIX века, там увлекались Некрасовым, Тургеневым и Л. Толстым и много говорили о служении народу. Впоследствии писатель вспоминал, что в их доме «понятие “шестидесятников” всегда произносилось как священное, как самое высшее».

В доме царили любовь и уважение к литературе и искусству. Мать Толстого была известной писательницей; произведения ее были проникнуты народническими настроениями: в них брались под защиту «униженные и оскорбленные», культивировалось уважение к страдающему русскому крестьянству.

Маленький Алеша рос среди деревенских ребятишек, бывал в их семьях, впитывал в себя атмосферу крестьянских изб, слушал народные песни, сказки, чувствовал себя своим среди сверстников. Уважение к товарищам и их родителям-крестьянам А. Толстой пронес через всю жизнь. Далекие детские воспоминания помогли ему в годы Великой битвы с фашизмом стать своим среди защитников страны, с которыми он постоянно встречался и у себя дома, и на фронте, и среди рабочих оборонных заводов, и в процессе расследования немецких злодеяний на временно оккупированных советских территориях. Он стал своим и для миллионов читателей его патриотических статей, которым не было дела до того, какие дворянские титулы носил когда-то писатель, утверждавший в самые трагические месяцы войны: «Ничего, мы сдюжим...» Ему верил народ, считал его своим.

Пока Алексей Толстой находился дома, на хуторе, можно было не думать о его социальном положении, хотя, конечно, оно не могло не беспокоить Александру Леонтьевну и А. Бострома. Когда пришло время уже серьезного обучения Алексея, его мать начала хлопоты о положении сына, считавшегося по законам того времени незаконнорожденным. Александра Леонтьевна с презрением относилась к дворянским титулам, иначе не бежала бы из графского дома, но положение Алексея необходимо было узаконить.

Все ее попытки в этом отношении были безуспешны. И лишь в 1901 году, когда граф Николай Александрович Толстой умер, удалось наконец документально подтвердить дворянское звание А. Толстого, который получил титул графа вместе с 30-ю тысячами рублей наследства.

Как сам писатель относился к своему титулу? Есть много фактов, свидетельствующих о том, что всерьез он свое положение графа не принимал, а использовал его лишь в случае необходимости. Обладая незаурядным актерским талантом, А. Толстой любил разыгрывать себе-седников, представляя себя аристократом, благо этому способствовала и его внешность. В советское время он, вероятно, вообще забыл бы о своем графстве, если бы ему об этом не напоминали друзья и недруги.

Он был прост и демократичен в общении, о чем рассказывали люди, хорошо его знавшие. Я, например, об

этом слышала от мужа, профессора истории и литературного критика И.Н. Бороздина, н.а. СССР Е. Шатровой, от литературоведа А.В. Алпатова и, наконец, от бывшего секретаря А. Толстого Ю.А. Крестинского. Доводилось мне разговаривать о нем и с К.И. Чуковским.

Тяга к творчеству в юношеские годы не покидала А. Толстого. Весной 1907 года он написал первую книжку стихов «Лирика». По словам самого писателя, — это были слабые, подражательные стихи, так что вскоре после выхода книги он ее уже стыдился. От второй книги «За синими реками» писатель не отказывался никогда. Важно заметить, что она была результатом его знакомства с русским народным творчеством. Это помогло Толстому впоследствии освободиться от влияния символизма. Дело в том, что в период 1907-1908 гг. Толстой был заворочен модными, казавшимися крайне смелыми теориями символистов, их рассуждениями о «вечной душе русского народа», призывами изучать народные предания и суеверия, чтобы восстановить утраченные интеллигенцией связи с народной почвой.

В это время Толстой увидел больше возможностей выразить критическое отношение к действительности в декадансе, чем в реалистическом искусстве.

Осенью 1909 года он написал реалистическую повесть «Неделя в Турене» — первую из тех, что вошли потом в книгу «Под старыми липами». Это была книга «об эпигонах дворянского быта той части помещиков, которые перемалывались новыми земельными магнатами...» (Толстой А. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М., 1951-53. — Т. 1. — С. 84).

Первые реалистические повести Толстого, где правдиво показывались нравственное разложение и экономическое оскудение заволжского дворянства, были встречены с одобрением М. Горьким и передовой русской общественностью.

Вскоре, исчерпав тему воспоминаний, Толстой подошел вплотную к современности. «И тут я потерпел крах. Повести и рассказы о современности были неудачны, не типичны», — вспоминал он (Там же). Причину этого Толстой впоследствии увидел в следовании символистской эстетике, под влиянием которой он все еще находился. Со временем он понял, что символисты уходили в абстракцию, в мистику, рассаживались по «башням из слоновой кости», где намеревались переждать то, что надвигалось.

«Я любил жизнь, всем своим темпераментом противился абстрактным, идеалистическим мировоззрениям <...> Я отлично понимал, что так быть дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа», — вспоминал Толстой (Там же, с. 85).

События первой русской революции зримо показали писателю, что надо многое менять в русской жизни, чтобы примирить враждующие между собой сословия и внутренний мир каждого человека.

В какое-то время писатель поверил в могущество любви, прошедшей через страдание. Этому были посвящены его пьесы «Насильники», «Касатка», роман «Хро-

мой барин» и другие произведения. Когда же началась империалистическая война, Толстой, не желая оставаться в стороне от мировой катастрофы, ушел на фронт в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости». Там он увидел «подлинную жизнь, принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый черный сюртук символистов. Я увидел русский народ» (Там же).

Считая войну делом, объединяющим народы России, Толстой много внимания уделяет солдатам как представителям народа, который он страстно хотел узнать, сблизиться с ним, быть им понятым. Это желание, как мы увидим дальше, пронизывает все его творчество и во многом определяет судьбу писателя. Поначалу ему казалось, что народ своей волей пошел защищать родину от немецкой экспансии (см., например, цикл статей «По Волинии» и «По Галиции») (Т. 3). Любопытно, что в солдатских разговорах, которые он приводит в своих очерках, довольно часто звучит святое слово «отечество», но совершенно отсутствует формулировка «за царя», что в какой-то мере характеризует и самого автора.

Империалистическая война не оправдала надежд Толстого на сплочение всех сословий России в едином порыве к победе над агрессивной Германией, о чем он мечтал, беспокоясь о судьбах родной страны. Не удивительно поэтому, что он, как и многие представители русской творческой интеллигенции, встретил февральскую революцию восторженно, как новый век последнего освобождения, как начало классового мира. Вместе с тем писатель не отказывается от идеи войны «до победного конца» и окончательного разгрома Германии. Писатель по-прежнему верил, что победа снимет все противоречия. «В противном случае мы перестанем быть русскими людьми и превратимся в удобение <...> в нас, русских, будет погашен свет нового века», — писал он (Т. 13. С. 8).

Лозунг большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую он не принял, считал его антинародным и антипатриотическим. По его мнению, главное — достигнуто, царизм пал, и Временное правительство сделает свое дело; теперь надо строить страну классового мира.

.....

Великую Октябрьскую революцию, в отличие от Февральской, А. Толстой встретил враждебно. Писатель был уверен в том, что она принесет гибель стране. Революция казалась ему «грядущим страшным часом», разрушительной стихией, возмездием всему русскому «за грех, за лень». Ему казалось, что большевики захватили власть незаконно, силой оружия узурпировали ее у народа, при помощи «темных» воинских частей, сбитых с толку «большевистской пропагандой». Однако писатель верил в то, что народ вскоре опомнится, свергнет власть «трехднеймовых» и все, в конце концов, придет в норму. Об этом он писал в газете «Луч правды» (1917, 27 ноября).

Все надежды Толстой возлагал на Учредительное собрание, считая его «костром очистительным», который, сжигая все грязное в государственном устройстве, спасет Россию (Там же). Когда же все надежды рушились,

он решил на время покинуть Родину. Толстой был уверен, что народ, которого он не переставал любить, опомнится и восстанет против большевиков, и все в конце концов наладится. Россия не примет насильственной ломки жизни. Протестуя против власти Советов, Толстой нигде не высказывает враждебного отношения к русскому народу.

В период обеих революций мысли Толстого сосредотачиваются на причинах, вызвавших эти грандиозные события, и на судьбе государства, о котором, по его мнению, большевики не думали. Он стал размышлять об исторических истоках революций и задумываться об эпохе Петра Великого, когда резко и круто менялась русская жизнь. Так рождается замысел рассказа «День Петра». С тех пор интерес к истории будет сопутствовать всей его жизни, и он оставит работу над романом «Петр Первый» всего за две недели до смерти.

Для А. Толстого Петр – великая и могучая личность, возвышающаяся над эпохой. Он искренне хочет, чтобы Россия догнала своих европейских сестер, но верит и в то, что «одной своей волей» сумеет перестроить землю, хотя бы для этого пришлось поднять всю страну на дыбу, силой заставив ее «делать общее государственное дело». Он – один перед громадой русского народа, отвергающего его реформы, считающего его антихристом.

Эмиграция была самым тяжелым периодом в жизни Алексея Толстого. Там он понял, что значит быть «парием, человеком, оторванным от Родины, невесомым, бесплодным, не нужным никому, ни при каких обстоятельствах» (Т. 1. С. 86).

В первые годы гражданской войны он был, по собственному признанию, на стороне белых и даже приветствовал высадку английского десанта в Архангельске. Вскоре он понял, что участие зарубежных стран в борьбе против Красной Армии приведет к гибели русского государства. Во многом это объясняется тем, что в кругах эмиграции Толстой занимал особое место.

Толстой всегда хотел видеть свою родину сильным и могучим государством, а себя в единстве с русским народом. Он понял, что народ на стороне большевиков и Красной Армии и что новая власть хочет создать сильное государство (для русского патриота это было решающим фактором). Неожиданно для себя во время войны с Польшей он «всей душой и кровью возжаждал победы русскому оружию», – вспоминает писатель. Толстой почувствовал гордость за победу Красной Армии в гражданской войне, за успехи советской дипломатии во время Генуэзской конференции. Ко всему этому прибавилась тоска по русскому языку, по всему русскому, страх за то, что сын его Никита обречен прожить свою жизнь на чужбине.

Его томила и мучила тоска по России, он верил в ее будущее, русскую государственность. Все это нашло отражение в замечательной по своей художественности повести «Детство Никиты» и в заметках к книге рисунков Бориса Григорьева «Расея».

По мнению А. Толстого, художник показал в них «лишь изживаемое ныне подполье, неприбранные, неустроенные задворки русского многовекового бытия».

Он противопоставляет Б. Григорьеву свое понимание России. «В сказках и присказках, в песнях, в росписи храмов и утвари, в одежде и архитектуре дошла до нас иная Русь, – певучая с легкой душой. Эта Русь строила храмы, плясала в хороводах, пела песни слаще птичьих, ходила воевать земли, строила государство и, когда пришли сроки, волшебным голосом запела в бессмертную свирель Пушкина. Этой Руси жить» (Григорьев Б. Расея. – Берлин, 1922).

Содержание заметок к книге Григорьева и повесть «Детство Никиты», пронизанные любовью и уважением к России и русскому народу, свидетельствуют, что причиной возвращения писателя на Родину было искреннее убеждение в том, что ему «без России жить нельзя». Одна повесть «Детство Никиты» отменяет все домыслы недоброжелателей Толстого о корыстных мотивах, побудивших писателя к возвращению на родную землю.

Будучи редактором «Литературных приложений» газеты «Накануне», Толстой публиковал в них произведения советских писателей, что свидетельствует о его пристальном внимании к культурной жизни России. Он печатал М. Горького, С. Есенина, К. Федина, М. Булгакова, К. Чуковского, Вс. Иванова, Б. Ромашова, В. Катаева, А. Неверова и других писателей. Связь с советской литературой укрепила его веру в будущее России, его решение вернуться на родину, что он и сделал весной 1923 года.

Значительным этапом в мировоззренческой эволюции Толстого была его связь со «сменовеховцами». Это была группа эмигрантов, её название произошло от сборника «Смена вех», вышедшего в июле 1921 года в Праге.

Что же привлекло А. Толстого в идеях «сменовеховцев»? Не разделяя их надежд на превращение советской России в республику либерально-буржуазного типа (в связи с введением НЭПа), он принял их установку на признание законности новой власти в России. Больше всего привлекала его сменовеховская программа укрепления в ней государственной власти во главе с В. Лениным. К 1922 году Толстой был уже убежденным сторонником централизованной власти, способной поднять Россию из тяжелейшего кризиса, вызванного революцией и гражданской войной.

В «Открытом письме» к Н.В. Чайковскому и в статье «Несколько слов перед отъездом» Толстой осудил свое прежнее отношение к революции и призвал эмигрантов «ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в потрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра».

А. Толстой искренне поверил в новую Россию, в ее будущее, в ее роль в мировой истории. В письме к К.И. Чуковскому от 22 февраля 1922 года он писал: «...Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно – смертью смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти» (А.Н. Толстой. Материалы и исследования. – М.: Наука, 1985. – С. 493).

Решение Толстого вернуться на Родину было дерзким вызовом белой эмиграции, враждебно относящейся

к советской России. Прежние друзья писателя не только надели по нему «траур», но и стали высказывать обидные для его чести и достоинства предположения. Именно оттуда пошли такие характеристики, как «безнравственный человек», «циник», «красный шут» и т.д. Говорили и писали, что Толстой надеется на роскошную жизнь, что он продался большевикам за деньги, которые любит больше всего на свете. С их легкой руки пошли гулять по всему свету рассказы о пристрастии писателя к богатству, о его барстве, привычках сибарита. Их-то и реанимируют современные «друзья» и даже некоторые потомки выдающегося советского писателя, общественного деятеля и патриота.

А. Толстой не ждал восторженной встречи на родине. Он знал, что может столкнуться с недоверием и даже с враждебным отношением. Так оно и оказалось. Журналы «На посту» и «На литературном посту» утверждали несовместимость советской литературы с творчеством писателя-реэмигранта. Журнал «На литературном посту» объявлял: «Против Алексеев Толстых – такова наша линия».

В «Дереве современной литературы», составленном И. Новичем, А. Толстой прямо причислялся к буржуазным писателям («На литературном посту». 1926, № 3). Деятели Пролеткульта открыто возражали против пребывания Толстого в советской стране. Недоброжелательно отнесся к его приезду и В. Маяковский.

Толстой понимал неизбежность тех трудностей, с которыми столкнулся по возвращении на родину. Понимал он и сложность той литературной среды, в которой оказался. А. Толстой не раз жаловался на своё тяжёлое положение в литературной обстановке М. Горькому, дружба с которым, начавшаяся ещё в царское время, продолжалась до смерти великого писателя. В трудные для Толстого моменты литературной борьбы тёплые ободряющие письма Горького очень помогали ему. В них мы читаем: «Вы... человек, влюблённый в свою планету, в родину свою, человечество такой же талантливый, как богата она талантами». Или: «...я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, умный, весёлый талант...» (Горький А.М. Собр. соч. в 30 т. – М., 1955, т. 30, с. 254, 279). А. Толстой всегда относился к Горькому как к старшему другу и учителю, советовался с ним, признавая его подчас суровую критику (см. Бороздина П.А. «А. Толстой и М. Горький. К вопросу о личных и творческих связях». Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж, ВГУ, 1980. – С. 36-45).

В первые годы после возвращения на родину А. Толстой мало писал о современности. По словам А. Воронского, он подходил к новому для него советскому быту с «величайшей осмотрительностью и осторожностью. Эта осторожность свидетельствует, насколько трудно писателю старой закалки отражать и изображать революционную современность» (см.: Русская советская литературная критика. – М., 1981. – С. 273).

Поиски нового героя были трудными для писателя. Ему необходимо было «вжиться в современность» и не только принять, но и глубоко понять новую для него жизнь, сблизиться с читателями, найти свою тему. А главное –

осознать все то новое, что делалось в советском государстве. Он осознавал это и настойчиво стремился художественно осмыслить новую для него жизнь и нового, советского человека. По собственному признанию писателя, современность ему помогала работать над петровской эпохой. Художественно воссоздавая жизнь русского народа и государства XVII-XVIII веков, он действительно подходил к современности «с глубокого тыла».

Теоретическое наследие Ленина, несомненно, помогло ему выработать метод исторического мышления, что сказалось в творческой истории романа «Петр Первый» и трилогии «Хождение по мукам» (об этом писала А.В. Толстая в статье «А.Н. Толстой над страницами В.И. Ленина» (Филологические науки. 1969. №3). Автор статьи внимательно просмотрела все пометки писателя на страницах издания и пришла к выводу, что изучение творческого наследия Ленина помогло Толстому не только выработать в себе историзм мышления, но и создать образ вождя в повести «Хлеб» и в пьесе «Путь к победе».

Упорно стремясь навстречу к новому герою современности, Толстой понимал его как монументальный образ, в создании которого соединились бы традиции классической литературы с героической символикой современности.

А. Толстой был уверен в том, что «сознание гражданственности – вот что должно жить в каждом творческом человеке».

Отстаивая новый реализм, писатель в работе над трилогией и историческим романом все же развивал традиции русской классической литературы, обогащая ее изображением массовых сцен и выдвигая на первый план роль народа в грандиозных исторических событиях.

Драма «Смерть Дантона» – значительное явление в творчестве Толстого, так как была создана на историческом материале – событиях Великой французской революции. Подлинным этапом в выработке опыта работы с историческими документами стала пьеса «Заговор императрицы», показывающая последние дни царствования Романовых и роль в их судьбах и судьбах страны «чудовищного» Распутина. Толстой писал в 1925 году: «Революции одним “нутром” не понять, не охватить. Время начать изучать революцию – художнику стать историком и мыслителем» (Т. 13. – С. 296). На мысль написать пьесу о последних днях русского царизма, скорее всего, его натолкнул историк П.Е. Щёголев, ставший его соавтором.

Пьеса создана на строго документальном материале. П.Е. Щёголев был ответственным секретарем Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для расследования деятельности бывших царских чиновников. В его руках находились все стенографические записи допросов царских министров и лиц, связанных тем или иным образом с историческими событиями предреволюционных лет. Эти материалы были изданы под общим названием «Падение царского режима» (Т. 1-7. Л. 1924-1927).

Документы для пьесы были подобраны П.Е. Щёголевым, вместе с ним был разработан план и определена

«сверхзадача» пьесы. Художественная ткань произведения принадлежит А. Толстому. Пьеса не является монтажом из исторических документов, в чем ее обвиняли многочисленные критики, принципы их использования были творческими. Протокольные показания исторических лиц под пером писателя превращались в живую, яркую сцену, психологически и драматургически мотивированную. Таким образом, никаких отходов от важных законов типизации (в чем опять-таки критики обвиняли пьесу) в ней нет (см. об этом: Бороздина П.А. А.Н. Толстой и театр. – Воронеж: ВГУ, 1975. – С. 82-101).

«Заговор императрицы» был серьезным опытом работы с историческими документами, что впоследствии помогло писателю создать гениальный роман «Петр Первый». Пьеса и поставленные на ее основе спектакли имели шумный и скандальный успех.

Однако, чтобы скомпрометировать авторов, в 1928 году в журнале «Минувшие дни» появился сфальсифицированный «Дневник Вырубовой». Авторство его приписывали А. Толстому и П.Е. Щёголеву. Эта версия не отвергнута до сих пор, хотя никакой экспертизы не было и никаких доказательств не приводилось и не приводится. А они в самом тексте.

Читая «Дневник», поражаешься, насколько стиль его далек от «алмазного» языка писателя. Удивительно, что авторы современных работ о Толстом не замечают этого. Кроме того, возникает естественный вопрос, а зачем надо было издавать «Дневник», если после снятия пьесы «Заговор императрицы» с репертуара прошло почти три года и А. Толстой и П. Щёголев были заняты совсем другой темой (в эти годы они работали над пьесой «Азеф»). Именно этого не объясняют Ю. Оклянский и другие исследователи, разделяющие его точку зрения. В общем и сегодня никто не называет с уверенностью имя автора. Это не сделал и автор опубликованной в журнале «Историк-марксист» (1928. №8) статьи под названием «Об одной литературной подделке» А.А. Сергеев, подвергнув серьезной критике «Дневник».

В середине 1960-х годов во время работы над книгой о связях А.Н. Толстого с театром, пользуясь личным знакомством, я спросила популярного тогда писателя М.Л. Слонимского об этом. Слонимский хорошо знал обстановку, связанную со скандалами вокруг постановок «Заговора» на сценах столичных театров. Привожу текст его письма, помеченного 11 февраля 1966 года.

«Дорогая Полина Андреевна!

Не зная в точности подробностей издания «Дневника Вырубовой», но, насколько я помню, А. Толстой никакого (подчеркнуто мной. – П.Б.) отношения к этому делу не имел. Я могу сказать с уверенностью, что «Дневник Вырубовой» – отнюдь не дело рук Толстого и Щёголева (и, конечно, не О. Форш). Подделка ли это? Если подделка, то чья? Это уже другой вопрос, и тут я ничего не знаю.

Искренний Вам привет. М. Слонимский».

О скандальных историях, связанных с постановкой «Заговора», мне много рассказывал известный в свое время пародист А.М. Арго. Но и он никогда не говорил о том,

что авторами «Дневника Вырубовой» были А. Толстой и П. Щёголев. Кстати, нельзя не вспомнить, что на рубеже 60-70-х гг. в городах страны по рукам ходила рукопись порнографического рассказа «Возмездие», приписываемого А. Толстому. Это была гнуснейшая пародия на талантливый рассказ писателя «Прекрасная дама», созданный еще в годы первой империалистической войны. Эта история, как и история с фальсифицированным «Дневником Вырубовой», показывает, что жизнь писателя не была безмятежной, что у него было много врагов и при жизни, и после смерти.

Как видим, творческий путь Толстого к постижению исторического прошлого России был не прост. Писателю много пришлось преодолеть в себе самом, чтобы понять главные тенденции развития русского государства. Во второй половине 1920-х годов он много работал над трилогией «Хождение по мукам», мысли о причинах, приведших Россию к революции, не оставляли его. Писатель много думает о «становых жилах» истории, о важнейших ее узловых периодах, когда формировалась русская государственность и национальный характер. В его сознании крепнет мысль о тесной связи истории русского народа с историей русской государственности, и делается это без какого-либо нажима со стороны властей.

В этом отношении большой интерес представляет его письмо к В.П. Полонскому от 4 мая 1927 года. Полонский в 1925-1931 гг. был редактором журнала «Новый мир», где печатался роман «Восемнадцатый год» – вторая часть трилогии «Хождение по мукам».

Получив от Толстого первые главы романа, Полонский отметил, что, по его мнению, писатель допускает слишком много темного при изображении событий. Это не вязалось с отмечаемым в 1927 году 10-летием Октябрьской революции. По сути дела, Полонский предлагал Толстому поступиться фактами и прибавить «света» в описании происходящего.

А. Толстой написал в ответ, что его задача – воссоздать события революции во всем их «мрачном величии», «размах во всей его сложности, во всей его трудности». Он пишет о том, что сам несет ответственность за трактовку сложности изображаемых событий. «Я ее не боюсь, так как я без всякой для себя корысти люблю... русскую революцию. Люблю ее как художник, как человек, как историк, как космополит, как русский, как великоросс. И уж позвольте мне говорить в моем романе, не боясь никого, не оглядываясь» (Толстой А. О литературе. – С. 80).

После этого письма редакция журнала больше не делала попыток повлиять на А. Толстого с тем, чтобы он хоть в чем-то изменил концепцию романа. Как видим, утверждение Ю. Оклянского, что Толстой шел «на всевозможные политические уловки и уступки», не столь уж основательно.

Во второй половине 1920-х годов Толстой возвращается к эпохе XVII-XVIII веков и к образу Петра. Однако на этом пути он еще не сумел освободиться от некоторых прежних взглядов на личность реформатора. Ему казалось, что Петр, проявив гигантские усилия в переустройстве русской жизни, не нашел поддержки в народе и потерпел

крах, что напрасны были его усилия и поднятая на «дыбу» Русь отвернулась от царя.

В 1929 г. он создает трагедию «На дыбе», в которой можно проследить влияние романа Д. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей», отрицавшего прогрессивное значение деятельности Петра Великого.

Отсутствие в трагедии подлинного историзма в какой-то мере объясняется не только неустоявшимся мировоззрением писателя, но и состоянием советской исторической науки конца 20-х годов. В ней господствовали взгляды М.Н. Покровского, согласно которым принижалась роль Петра I в русской истории и отрицалось какое-либо взаимопонимание между правителем и народом.

А. Толстой в трактовке личности Петра расходился с концепцией Покровского, но в некоторых аспектах изображения эпохи XVII-XVIII вв. находился под её влиянием.

Спектакль под названием «Петр Первый» был поставлен на сцене театра МХАТ-2. Премьера состоялась 23 февраля 1930 года (режиссер Б. Сушкевич).

Рапповская критика встретила спектакль в штыки. Толстого обвиняли в том, что он отступил от концепции М.Н. Покровского и возвеличил личность Петра («Известия». 1930, 8 марта).

Писатель до глубины души был возмущен и оскорблен рапповской критикой, явно тенденциозной и враждебной по отношению к нему. В одной из автобиографий (1938 год) Толстой писал: «Рапповское давление на меня усиливалось с каждым годом и, наконец, приняло такие формы, что я вынужден был на несколько лет оставить работу драматурга» (Архив. № 991. ИМЛИ АН СССР).

Не выдержав травли со стороны недоброжелателей, которые требовали выслать «недобитого графа» из страны, Толстой написал письмо Сталину. Оно до сих пор не опубликовано и находится где-то в архивных недрах КГБ. Копию его обнаружил А.В. Алпатов, разбиравший архив писателя после его смерти. По его словам, сказанным мне в частной беседе, в письме значилось: «Я честно осознал свои ошибки. Я иду вместе с вами в одном строю, а такие рецензии – это как удар штыком в спину во время атаки». Копию письма вскоре забрали представители соответствующих органов, но содержание его Алпатов в главном запомнил. Что последовало дальше – неизвестно, но нападки на писателя прекратились. Скорее всего, был телефонный разговор, который убедил Толстого в необходимости продолжать художественную разработку темы Петра Первого. В дальнейшем Толстому не раз приходилось обращаться к Сталину.

Активная работа над романом у него началась уже в 1929 году. В это время Толстой понял, что советское правительство, взяв твердый курс на индустриализацию и коллективизацию, не отступит от него и будет всемерно укреплять государственную мощь страны.

После 1929 года Толстой окончательно убедился в том, что советский народ поддерживает основную идею советского правительства, направленную на развитие и укрепление государства. Поэтому главной идеей романа «Петр Первый» и стала идея показа мощи великого рус-

ского народа, непобедимости его созидательного духа. Отсюда в романе постоянно напоминает о себе «многоликая Русь» (А. Алпатов), действуют представители всех слоев русского общества.

Мысли Толстого о роли личности в истории совпали с тем, что высказал Сталин в известной беседе с немецким журналистом Эмилем Людвигом в 1931 году. Когда речь зашла о роли личности в историческом процессе, Сталин сказал, что личность сможет сыграть большую роль в том случае, когда ее действия совпадают с объективным ходом развития страны. В дальнейшем после замечаний Сталина, Жданова и Кирова к учебнику Шестакова по русской истории (1934 г.) было восстановлено преподавание гражданской истории в школе и изучение ее как науки, основанной на марксистской методологии. Основные положения концепции Покровского были, таким образом, окончательно ликвидированы.

Утвердившись в том, что его взгляды на русский исторический процесс совпадают со взглядами советского правительства, А. Толстой вздохнул свободнее. Теперь, рисуя жизнь России конца XVII – начала XVIII вв., он умело соединяет в одну обширную картину жизнь всего «многоликого» русского общества. В отличие от привычной для русского исторического романа вальтер-скоттовской композиции в центре сюжета он ставит не «романтическое происшествие», а большую историю. Начав изображение русской действительности с описания «захудалой» жизни крепостного Ивашки Бровкина и его семьи, Толстой динамично вводит в действие представителей всех сословий, создав тем самым широкое эпическое полотно русской жизни, жаждущей перемен. В этой социальной среде формируется личность главного героя – царя Петра. При этом Толстой руководствуется пушкинским принципом: «Человек и народ. Судьба человеческая. Судьба народная». Они находятся в романе в диалектической связи.

Так А. Толстой находит свою тему, которая у него не теряет связи со всем остальным творчеством. Работа над «Петром» помогает ему лучше понять движение истории в XX-м веке, когда происходит действие его знаменитой трилогии.

Между событиями XVIII и XX веков протягиваются «становые жилы» истории, выстраивается представление о едином историческом процессе, и Толстой подходит к изображению судеб героев трилогии и событий, изображенных в ней, «с глубокого тыла». И чем глубже он входил в историю петровской эпохи, тем психологически и исторически убедительнее становился путь героев к революции. И чем глубже он входил в современную эпоху, чем больше сближался с ней, тем отчетливее видел прогрессивное развитие страны, небывалые сдвиги во всех сферах жизни, тем легче ему было изображать реформы, принятые Петром, которые, по словам Пушкина, были «благодетельны для России». Они дали стимул для дальнейшего ее развития и в конце привели к грандиозной созидательной советской эпохе.

Работая над эпохой конца XVII – начала XVIII вв., Толстой не мог не задуматься над истоками петровских преобразований. У него проснулся интерес к XVI веку и

к личности предшественника Петра – царя Ивана Грозного. Позже он признавался, что его в истории России привлекали четыре эпохи: эпоха Ивана Грозного, Петра Великого, гражданской войны и современная ему эпоха – эпоха строительства социализма. Именно эти эпохи были опорными в его представлении о единой истории России.

Поверив в социализм, Толстой очень рано понял, что советская страна окружена врагами и что ее движение по пути промышленного, политического и культурного прогресса имеет не только внешнее, но и внутреннее сопротивление, что представляет немалую опасность. И все же, бывая за границей, писатель, особенно в годы великой депрессии, имел возможность сравнивать социалистическую Россию с капиталистическим Западом, и это сравнение оказывалось в пользу социализма. Но он понимал и другое: «Советский Союз, отставший от Запада в иных случаях чуть ли не на столетие, должен делать десять шагов в том случае, когда Запад делает шаг. И мы делаем эти десять шагов», – писал он в 1931 году, обращаясь к американским рабочим (Публицистика. – С. 46).

Уже тогда Толстой пришел к пониманию, что выполнить эту задачу можно только под руководством сильной государственной власти, способной мобилизовать народ на решение тех проблем, которые в данный момент являются решающими для судьбы страны.

А. Толстой с середины 30-х годов фактически становится посредником между советской страной и западными странами, он непреременный участник всех мировых конгрессов, посвященных защите культуры от фашистской угрозы.

А. Толстой впервые после возвращения выехал за границу в 1932 году в Сорренто для встречи с М. Горьким. В последующие годы он бывал за границей в качестве делегата конгрессов, посвященных защите культуры и борьбе за мир. Летом 1935 года в Париже Толстой с группой советских писателей был участником Первого Международного конгресса писателей в защиту культуры. Выступал с докладом «О свободе творчества». Посетил Германию. В Голландии собирал материалы для исторического романа «Петр Первый». В 1936 году – он делегат Международного конгресса в Брюсселе, оттуда выезжал в Англию. В 1937 году – участник Второго Международного конгресса в защиту мира в Испании, где в своем выступлении сказал: «Фашизм собирает в свои фаланги всю сволочь человеческую. Готовя солдат для мировой войны, он оставляет им одно только чувство – жажду разрушений...»

Писатель утверждал гуманистическую основу социализма. «Цель всего дела Советского Союза – человек, его свобода, его счастье – человек, мыслимый нами в его все более неограниченном развитии», – говорил он, выступая на Первом Международном конгрессе писателей в защиту культуры, проходившем в 1935 году в Париже. (Толстой А. Публицистика. – С. 78).

Осуждая лживость фашистских теорий и его враждебность духовной культуре, Толстой говорил о высоком назначении художника – строителя «духовной жизни человечества», о том, что в Советском Союзе писатель стре-

мится понять и отразить гражданский подъем творческих сил трудового народа, стать «историком, философом, политиком, организатором жизни и провидцем ее», художественно воплотить духовный мир общества и отдельной личности, их тесную связь (Там же).

Писатель один из первых почувствовал и понял опасность фашизма. Хорошо зная жизнь Запада и психологию немецкого народа, Толстой стал вести борьбу с фашистской идеологией задолго до начала Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют его антифашистские статьи и художественные произведения. В период Испанской войны Толстой был в Испании, и эта поездка убедила его в неизбежности столкновения советского народа с фашистами. Он понял, что правители некоторых западных стран сочувственно относятся к набирающей силы фашистской Германии и надеются с ее помощью расправиться с Советским Союзом, поэтому все попытки советского правительства заключить антифашистский союз с Западом, предпринятые после поражения Испании, оказались неудачными. Мюнхенское соглашение заставило СССР искать иные пути для того, чтобы оттянуть на какое-то время фашистскую угрозу.

Во второй половине 1930-х годов внимание писателя было сосредоточено на изображении истоков советской государственности – в период гражданской войны, когда казалось, что под напором внутренней реакции и 14-ти враждебных стран Россия не устоит. Он понимал, какие грандиозные усилия понадобились, чтобы в этих условиях отстоять свободу, очистить страну и вывести ее из хаоса и почти безнадежного состояния. Толстой как историк, дотошно изучивший документы, связанные с гражданской войной, работая над романами «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро», все больше внимания уделяет роли народа и его представителей в изображаемых событиях. Так, на страницах трилогии появляются такие герои, как Иван Гора, Агриппина, Анисья и др. Толстой создает массовые сцены с их участием, раскрывает их частную жизнь, показывает их внутреннюю красоту.

В своих исторических взглядах А. Толстой пришел к окончательному выводу о том, что Октябрьская революция была закономерным явлением в России и должна была пройти в своем развитии через ошибки и достижения. Другого пути у нее не могло быть. Толстой видел немало отрицательного в советской жизни, однако он не мог не оценить усилий советского правительства и лично И.В. Сталина в построении сильного и мощного государства, основанного на идее социального равенства, способного выдержать любое военное нашествие. Писатель понимал, что на этом пути нельзя избежать ошибок, и он прямо говорил о них. Так, обращаясь в 1940 году к X съезду комсомола, он отмечает наличие непродуманных и непрочувствованных коммунистических формул, разрыв между «идеологией» и практикой жизни, бюрократизм, невежество и чванство, которые не должны иметь место в новом обществе.

Писатель призывал комсомол к активной борьбе с этими фактами. «И на все эти позорные явления должны быть направлены моральные штыки комсомола, идущего

в атаку на высоту человеческой культуры» (см., например, Толстой А. Публицистика. – С. 96-98).

Современные недоброжелатели-литературоведы хором утверждают в своих книгах, что писатель «продал» большевикам свою честь и совесть в обмен на безмятежную «роскошную» жизнь. Да так ли хорошо изучили они его творческое наследие? Как известно, аргументы, взятые из «вторых» рук, не подкрепленные документами, редко бывают убедительными.

Алексея Толстого обвиняют в пристрастии к роскоши, в любви «широко пожить», ради чего он будто бы и «продался большевикам». Да, в тридцатые годы XX века огромные тиражи его книг приносили большие деньги. Писатель не был жаден к деньгам, не копил их, а тратил их так щедро, что влезал в долги. Бывало и халтурил, чтобы получить аванс, – это касалось главным образом его работ для театра.

У него была большая семья и много друзей, так что за стол садилось обычно человек 20-30 (об этом можно прочитать, например, в воспоминаниях Н.В. Крандиевской).

Толстого называют бабником. Да, он, как и многие талантливые художники, любил красивых женщин, увлекался ими, но имеет ли это отношение к его творческой биографии?

Толстой был четыре раза женат – это обстоятельство его личной жизни. Однако в ней он вел себя достойно. Первые две жены сами оставили его, причем, одна из них, С.И. Дымшиц, уходя, оставила ему дочь, Марианну, уверенная в том, что ее не обидят. Об этом можно прочитать в ее воспоминаниях, хранящихся в архиве А. Толстого.

Есть основания предполагать, что самой большой его любовью была Наталия Васильевна Крандиевская, с которой писатель прожил 20 лет и к которой сохранил любовь и уважение до самой кончины. Но история их взаимоотношений не входит в задачу данной работы.

Вообще, читая обвинения писателя в безнравственности, цинизме, продажности (за деньги мог продать себя кому угодно), невольно вспоминаешь известные слова Пушкина из письма П. Вяземскому (вторая половина 1825 года, из Михайловского в Москву). Пушкин писал: «... Толпа жадно читает записки, исповеди, все, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок (подчеркнуто мной. – П.Б.), как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок не так, как вы – иначе» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в X т. Т. X. М.-Л., 1949. – С. 191).

Кстати, относительно продажности Толстого, якобы способного за деньги служить кому угодно. Неужели его недоброжелатели не знают, что Толстой во время войны перечислял деньги на постройку танковой колонны «Работник печати»; на Сталинскую премию, полученную за трилогию «Хождение по мукам» (1943 год), построил танк и дал ему название «Грозный». Он передал его экипажу, который героически на нем сражался в составе одной из танковых бригад.

Кроме того, писатель постоянно передавал деньги в помощь осиротевшим детям, в фонд Красной Армии и т.д. Об этом можно прочитать в его записных книжках, опубликованных в «Материалах и исследованиях» (с. 418) и в «Хронике», составленной Ю. Крестинским.

Неужели авторы книг, с которыми мною ведется полемика, думают, что их голословные утверждения не будут опровергнуты документами, уже давно опубликованными?

Мне доводилось бывать в квартире А. Толстого на Спиридоновке. Его жена Людмила Ильинична показывала мне парадные комнаты на втором этаже особняка. Да, квартира отличалась своей чистотой, мебелью красного дерева, картинами из эпохи Петра. Я посмотрела на все с интересом – и только. Мне было важно познакомиться с рабочей библиотекой, расположенной на первом этаже, где проживал секретарь А. Толстого Ю.А. Крестинский и где мне довелось немало поработать. Там я просмотрела все исторические книги, касающиеся эпохи Ивана Грозного, и поняла, что интересовало писателя в XVI веке.

Я изучила все заметки, все подчеркивания, сделанные Толстым на страницах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Истории России» С. Соловьева, «Курса русской истории» В.О. Ключевского, нескольких сказаний иностранцев о России и множества других документов. Я поняла, какую фантастическую работу проделал Толстой, создавая драматическую повесть «Иван Грозный». (О том, как Толстой работал над историческими источниками, касающимися петровской эпохи, подробно написано в монографии А.В. Алпатова «Алексей Толстой – мастер исторического романа». – М., 1958. – 355 с.).

Повесть «Хлеб», пожалуй, самое спорное произведение А. Толстого. Работая над романом «Восемнадцатый год», писатель накопил огромное количество исторического материала, который в него не вошел. В связи с этим у писателя возник замысел создать роман «Девятнадцатый год» и даже включить его в трилогию «Хождение по мукам». Однако из этого ничего не вышло, и материал остался не использованным. И Толстой решил тогда написать повесть о борьбе за хлеб, по сути дела за существование молодого советского государства, о роли в этой борьбе Южного фронта, важнейшим пунктом которого являлся город Царицын.

Замысел повести относится к 1935 году, когда по инициативе М. Горького шла активная работа над «Историей гражданской войны в СССР» (первый том ее вышел в 1937 году). В пристальном внимании к героине гражданской войны имело значение и то обстоятельство, что Толстой был уверен в неизбежности военной схватки с фашизмом, в которой опыт ее будет полезен.

В этом отношении он был не одинок. Советская творческая интеллигенция много сделала в предвоенные годы для подготовки советского народа к неизбежному сражению.

Это отметил в своей книге «Россия в войне. 1941-1945» (М.: Воениздат, 2001) английский журналист Алек-

сандр Верт, очевидец великой битвы советской страны с фашистской Германией.

По мнению А. Верта, особенно развитие исторической темы за несколько лет до войны имело большое мобилизирующее значение.

Разумеется, среди действующих лиц был и Сталин. Не прошел мимо этой тенденции и А. Толстой. Повесть «Хлеб» до сих пор вызывает резкую и даже оскорбительную критику. Современные исследователи считают, что причиной ее написания является страх писателя перед возможностью ареста и что Толстой «откупился» ею от грозившей ему опасности. Но главный упрек Толстому со стороны критиков заключается в том, что писатель будто бы преувеличил роль Сталина в гражданской войне, в частности в обеспечении голодающей Москвы хлебом.

Давно пора разобраться в этом. Преувеличил ли Толстой роль Сталина в гражданской войне? Исторические факты свидетельствуют, что нет. В мае 1918 года Сталин был командирован правительством на юг и наделен чрезвычайными полномочиями. До этого он принимал активное участие в обороне Петрограда от войск Юденича, боролся с опасностью со стороны Деникина. Сталин много сделал для обеспечения Москвы и Петрограда хлебом, не отдал белогвардейцам Царицына, имевшего в годы гражданской войны большое стратегическое значение. Об этом, в частности, можно прочитать в книге С.М. Буденного «Сталин и армия» (М., 2012. – 319 с.). Президиумом ВЦИК Сталин был награжден орденом Красного Знамени.

В Постановлении ВЦИК от 20 октября 1919 года о награждении И.В. Сталина орденом Красного Знамени, высшей и достаточно редкой тогда наградой, говорилось: «В минуту смертельной опасности, будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику. Во ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте ВЦИК постановил наградить И.В. Сталина орденом Красного Знамени» (Цит. по: Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. – М., «Свароч», 1998. – С. 173).

Подробно характеризуя деятельность Сталина в годы гражданской войны, историк В. Жухрай пишет: «...уже в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Сталин зарекомендовал себя как талантливый полководец» (Там же, с. 174).

Принято писать и говорить о художественной беспомощности повести «Хлеб» и о том, что Толстой, якобы возвышая Сталина, принизил личность и значение Ленина в гражданской войне. Перечитывая повесть, удивляешься, как интересно она написана и как удалось писателю соединить здравствующих деятелей советского правительства с вымышленными героями, которые известны читателям трилогии (Иван Гора, например).

Да, стиль повести иной, чем в известных произведениях писателя, но метод создания произведения новый и необычный для Толстого. Вся повесть основана на доку-

ментальном материале, которым писателя снабжал известный историк, академик И.И. Минц. Большую помощь оказали писателю и разговоры с К.Е. Ворошиловым, С.М. Буденным, О. Городовиковым и другими непосредственными участниками изображаемых событий.

Для Толстого метод использования исторических документов и соединение образов живых современников с вымышленными героями был новым, непривычным, однако писатель надеялся, что его опыт поможет другим писателям. Перечитывая повесть, убеждаешься в том, что образ Ленина занимает в ней значительное место, не меньше, чем образ Сталина, который присутствует далеко не во всех главах.

Сталин здесь изображается его верным помощником, его доверенным лицом: в труднейшей для советской власти обстановке Ленин посылает Сталина с чрезвычайными полномочиями на Южный фронт в качестве члена Военного Совета.

Таким образом, перед нами произведение, созданное на документальной основе, представляющее немалый интерес для тех, кто хочет знать правду о гражданской войне. А то, что оно написано по-иному, чем трилогия «Хождение по мукам» и исторический роман «Петр Первый», – это выбор автора. Кстати, сам писатель считал повесть «Хлеб» произведением в художественном отношении более слабым, с точки зрения соотношения исторических фактов и авторской фантазии, чем другие его произведения. Большой удачей Толстого являются выходцы из народа Иван Гора и Агриппина.

«Я постарался взять их не внешне, не эскизно, а как характеры», – признавался Толстой (Дымшиц А. В великом походе. Сб. статей. – М.: Советский писатель, 1962. – С. 397).

Значение повести «Хлеб» в творческой судьбе А. Толстого заключается в том, что он сумел все же найти путь к изображению героя, чье становление происходило в народной среде.

Откликаясь на каждое значительное достижение советского народа, будь то полет Чкалова или челюскинская эпопея, приветствуя каждое явление, свидетельствующее об экономическом или культурном росте страны, он в меньшей мере пишет об отрицательных фактах советской жизни, понимая, что жизнь – есть единство и борьба противоположностей и что путь революции не усеян розами. Писатель искренне верил в победу добрых начал социализма, что нашло отражение в его художественном творчестве.

В одной из статей А. Толстой пишет: «Мы живем в такую эпоху, в таких социальных условиях, где всякая строка нашей литературы должна быть оборонной... Наиболее важна целеустремленность нашей литературы, целеустремленность, насквозь проникнутая идеей создания целостного мощного государства» (Т. 13. – С. 403-404).

Таким образом, дело не в том, что писатель подчинился диктату власти, а в его собственном мировосприятии современного политического состояния мира. Он чувствовал приближение военной угрозы, готовился к ней сам и готовил своего читателя.

Как относился Толстой к событиям второй половины 30-х годов? Это очень сложный вопрос. Писатель имел свою позицию, и далеко не все действия властей ему нравились. Так, он не одобрял разрушения церквей и расправы со священниками. По словам его сына, Дмитрия, после того, как была разрушена церковь в Детском селе, где жили Толстые в начале 1930-х годов, он приютил у себя оставшуюся без крова семью священника.

Что же касается процессов второй половины 1930-х годов, то в виновность подсудимых он верил. И не он один. В это поверили зарубежные общественные деятели и писатели, как, например, Лион Фейхтвангер. Последний сам присутствовал на процессе Пятакова, Радека и др. Первый процесс (Бухарин и др.), как известно, состоялся в 1936 году. О своем впечатлении он написал в книге «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей». Книга была издана в Амстердаме в 1937 году, тогда же была переведена на русский язык и вышла в Москве в издательстве «Художественная литература».

Непосредственное впечатление от процесса Фейхтвангер изложил в главе «Явное и тайное в процессе троцкистов» (с. 72-87). На странице 82 автор признается в том, что поверил в вину подсудимых. Он объясняет причину процессов, как второго, так и первого, следующим образом: «...главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей, является, пожалуй, непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае – ссылая <...> Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердечие нельзя было себе позволить» (с. 87).

По мнению автора, объяснить суд над троцкистами стремлением Сталина к господству и жадной мести – было бы просто нелепо. «Иосиф Сталин, осуществивший, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин, не станет, руководствуясь личными мотивами <...> вредить внешней политике своей страны» (с. 72). Нельзя не отметить, что многие иностранные политологи и даже некоторые гитлеровские генералы писали, что результатом процессов 1937 года явилось то, что у немцев не оказалось в России «пятой колонны».

Разумеется, Толстой понимал и знал, что в репрессиях 1930-х годов немало пострадало невинных людей, но воспринимал происходящее с исторических позиций. Большую роль в том сыграла его работа над пьесой Г. Бюхнера «Смерть Дантона». Впервые он обратился к драме Бюхнера в 1918 году по заданию театра «Комедия (б. Корша)». Толстой не переводил Бюхнера, а создавал свою пьесу, исходя из собственного восприятия событий, происходящих в советское время. В предисловии к первому изданию пьесы Толстой писал: «Побуждением, а затем и пафосом моей пьесы было переживание в образах давно минувшего нашей еще более кровавой и страшной революции» (Толстой А. Смерть Дантона. – Одесса, 1919. – С. 2).

Связывая художественный конфликт с конфликтом современности, писатель в 1919 году привнес в пьесу Бюхнера собственное отношение не только к событиям французской жизни конца XVIII века, но и к недавно совершившейся Октябрьской революции. В переработке Толстого вся сложность политической обстановки последнего периода Великой французской революции сводилась к простой борьбе за власть, ко всеобщему страху за себя.

В трактовке Толстого прав Дантон, а не Робеспьер. Дантон убежден в том, что революция окончилась и народу теперь «нужен мир и успокоение». Эволюция взглядов на историю России, которую Толстой пережил в эмиграции, признание правоты Октября, нашли отражение в новой редакции «Смерти Дантона», опубликованной в Берлине в 1923 году. Теперь на первый план писатель выдвигает не борьбу личностей за власть, а борьбу идеологий, столкновение диаметрально противоположных представлений о целях революции. Во второй редакции пьесы «Смерть Дантона» Робеспьер отстаивает необходимость дальнейших революционных изменений. В связи с этим коренным образом меняется и трактовка его личности. Он твердо уверен в том, что французский народ призван «восстановить справедливость и беспощадно уничтожать пороки». Но если в редакции 1919 года отсутствовало доказательство правоты этих слов, то в новой редакции Робеспьер страстно защищает идею мирового значения французской революции, необходимость и неизбежность террора: «революция не кончена» и «только железная диктатура может спасти Францию...»

Нечто подобное А. Толстой видел и в событиях послереволюционной России. Мне однажды Ю.А. Крестинский (близкий родственник известного троцкиста) признался в том, что А. Толстой «спас его душу», объяснив, что репрессий 1930-х годов не могло не быть, так как по закону революций борьба партий неизбежна, что каждая из них в революционных событиях борется за свои цели. По мысли Толстого, в 1930-х годах в непримиримой борьбе столкнулись партия Сталина, стремившаяся к построению социалистической России, и партия Троцкого, обрекавшая Россию на гибель ради свершения мировой революции. Разумеется, в этой кровавой борьбе не могло не быть невинных жертв. Крестинский уверял, что такое освещение событий 30-х годов помогло ему не сломаться и выстоять под гнетом тяжелых испытаний. Юрий Александрович сохранил самую светлую и благодарную память о тех годах, когда он был личным секретарем Толстого – замечательного писателя и гражданина. Книга его, посвященная жизни и творчеству А.Н. Толстого, на мой взгляд, до сих пор является лучшим пособием, содержащим в себе богатейший фактический материал, основанный на архивных данных.

Таким образом, есть немало оснований полагать, что А. Толстой верил Сталину и искренне уважал его. И боялся, но можно ли назвать хоть одного крупного деятеля 1930-40-х годов, у кого в той или иной степени не было бы страха перед грозным руководителем огромной страны?

Конец 30-х годов был для Толстого временем активной творческой и общественной деятельности. Толстой

много сделал как депутат Верховного Совета СССР от Старо-Русского избирательного округа. К его запросам прислушивались те организации, к которым он обращался по просьбе своих избирателей; с ними он вел огромную переписку, о чем свидетельствует его архив, где мне довелось много работать.

Активный по натуре, Толстой откликался на все значительные явления жизни советской страны, как экономической, так и политической и культурной.

После смерти М. Горького Толстой фактически становится продолжателем его дела, чувствуя себя обязанным помочь всестороннему развитию государства. Считая своим долгом морально готовить советский народ к неизбежной схватке с фашизмом, Толстой придавал большое значение укреплению «чувства семьи единой» посредством развития межнациональных культурных связей.

Интерес к проблемам развития национальных литератур связан был с I-м съездом советских писателей, а также с деятельностью А.М. Горького, сыгравшего, как известно, огромную роль в процессе сплочения советских литератур в «единую культурно-революционную силу».

В своих поездках по Украине, Белоруссии, республикам Закавказья он знакомится с особенностями национальной жизни и культуры советских народов. Анализ его высказываний по проблеме культурных взаимосвязей Востока и Запада, по проблемам диалектического соотношения национального и общечеловеческого в литературах народов СССР позволяет говорить о нем как о глубоком теоретике и мыслителе.

В 1937 году у Толстого возникла идея создания учебника по литературе народов СССР, предназначенного для средней школы, – учебника, который бы успешно способствовал воспитанию чувства интернациональной общности, опровергая теории фашистов о культурной неполноценности советских народов.

В результате был создан коллектив авторов, состоящий из видных советских ученых, заключен договор с Учпедгизом об издании учебника, курс «История литератур народов СССР» введен в учебный план вузов – работа шла успешно (подробно об этом: Бороздина П.А. А.Н. Толстой и проблемы развития литератур народов СССР // А.Н. Толстой: проблемы творчества. Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – С. 3-25). Война прервала работу над учебником.

В конце 1930-х годов А. Толстой был убежденным сторонником социалистического пути развития страны, государственным, известным на весь мир писателем. К этому времени он нашел своего читателя и ту единственную правду жизни, к которой так долго и так мучительно шел.

Финальные слова трилогии «Хождение по мукам» знаменательны для самого автора. «Ты понимаешь, какой смысл приобретают все наши искания, пролитая кровь, все известные и молчаливые муки... Мир будет нами перестраиваться для добра, – шепотом говорит Рошин Кате. – Все в этом зале готовы отдать за это жизнь... Это не вымысел, – они тебе покажут шрамы и синеватые пятна от

пуль... И это – на моей родине, и это Россия...» «Жребий брошен! – говорил человек у карты, опираясь на кий, как на копье. Мы за баррикадами боремся за наше и мировое право – раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком».

Эти слова были написаны Толстым ранним утром 22 июня 1941 года. Рукопись хранится в его архиве в Институте мировой литературы РАН (теперь РФ). Когда я держала в руках автограф и читала эти строки, под которыми стояла знаменитая дата и размашистая подпись писателя, мне эти слова казались клятвой, от которой писатель не отступил ни в чем до самой смерти.

А через несколько часов он узнал о начале войны...

Прослушав заявление Молотова о нападении фашистской Германии, А. Толстой, покинув Барвиху, уехал в Москву. В редакции газеты «Известия» и в Радиокomiteе он сделал заявление о своей готовности выполнить любое задание, чтобы помочь стране сражаться с врагом.

С этого момента писатель накрепко связал себя со своим читателем – советским народом. Он перестает думать о себе и буквально сжигает себя непосильной работой, направленной на службу Отечеству. Для этого достаточно просмотреть хотя бы бегло «Хронику жизни и творчества А. Толстого в период Великой Отечественной войны», составленную Ю.А. Крестинским (Творчество А.Н. Толстого. Сб. статей. Изд-во Моск. Ун-та, 1957. – С. 183-213).

Газетные статьи являлись важной, но не единственной формой участия Толстого в борьбе с фашизмом. Многочисленные обязанности заставляли его посещать разные города Советского Союза. Выехав 25 августа 1941 года из Москвы в г. Горький, он недолго там оставался. Согласно «Хронике» Ю.А. Крестинского, Толстой был в Куйбышеве, Ташкенте, Самарканде, Алма-Ате, Свердловске, на Северном Кавказе, в Харькове, Смоленске, Ленинграде. И везде он много работал в соответствии со своими обязанностями. Не прекращая своей собственной писательской деятельности, он выполнял обязанности академика АН СССР. В годы войны значительно увеличилась доля его участия в общественных комиссиях.

Алексей Толстой не отказывался ни от какой работы, лишь бы она была полезна сражающемуся народу не только советской страны, но и всего мира. Так, он был членом Всеславянского антифашистского комитета, членом Чрезвычайной комиссии «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» («Правда». 1942 г., 2 ноября).

Тема всеславянского единства занимает большое место в деятельности Толстого во время войны. Для доказательства достаточно перечислить названия его статей и выступлений. Председательствуя на Всеславянском митинге, состоявшемся в Москве 10 августа 1941 года, Толстой выступил с речью, основным лозунгом которой были слова: «Весь славянский мир должен объединиться для раз-

грома фашизма». Писатель закончил свое выступление призывом, обращенным к славянским народам: «Свобода или смерть! Мы хотим мирного процветания себе и нашим соседям, мы хотим высших даров человеческой свободы: развития культуры, искусств и наук, благоденствия, счастья. Культура, а не война. Во имя этих высших общечеловеческих целей – в бой, славяне! В победный бой с фашистскими варварами, пьяными от крови и грабежей! Смерть фашизму!»

Нельзя не согласиться с суждением современного учёного в том, что история под пером Толстого выполняла «не познавательную, а воспитательную функцию, чрезвычайно необходимую в условиях труднейшего единоборства Советского Союза с фашистской Германией» (Дубровский А. Историк и власть. – Брянск, 2005. – С. 577).

Писатель резко выступал против расовой теории Гитлера, Розенберга и других теоретиков фашизма. В марте 1942 года он начал работать над научно-популярным очерком «Откуда пошла русская земля». Написан он был в Ташкенте, где в это время находился Институт истории АН СССР, так что недостатка в научных консультациях писатель не ощущал. Очерк был опубликован в Москве, в двух номерах популярного тогда журнала «Славяне» (1942, №№ 2-3).

Писатель развенчивает представление немцев о том, что славяне – «ленивы, вороваты, грязны, не способны к государственности, мышлению и организованному труду» (Т. 14. – С. 226). Фашисты уверены в том, что «Россия и русские должны сойти с исторической сцены» и отдать свои богатства немецкому народу (Т. 14. – С. 235). Дальше А. Толстой в противовес немецким теоретикам излагает историю русского государства, укрепившегося и названного Киевской Русью, которая дала миру много культурных ценностей.

В очерке строится единая история государственности России, начиная с Киева и кончая современностью. «Русский человек, – пишет он, – должен гордо нести голову через века прошлого в века будущего. Красноармейский штык в наши дни восстанавливает истину и честь великого русского народа» (Т. 14. – С. 255).

Таким образом, рассказ о начальном этапе истории России тесно связывается у Толстого с событиями Великой Отечественной войны и, что интересно, с некоторыми мыслями драматической повести «Иван Грозный», над которой он в это время работал (см., например, слова о князе Святославе). В названном очерке Толстой сознательно принижает роль немцев в истории России, что в какой-то степени противоречит его собственным установкам в романе «Петр Первый» и историческим фактам.

Объясняется это полемикой с немецкой историографией, перечеркивающей славянские народы как народы неполноценные («недочеловеки»). И, конечно, условиями первых лет войны, когда все было направлено на защиту страны против страшного врага, в том числе и историческая наука, которая также бралась на вооружение.

Не учитывая этого обстоятельства, мы не можем правильно оценить такое явление, как выдвижение на первый план русской героической истории.

Если результаты работы Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний никто еще не оспаривает, то по-другому обстоит дело с выводами Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу польских военнопленных офицеров.

В 1943 году после освобождения Смоленской области в Катынском лесу было обнаружено десять тысяч трупов расстрелянных польских военнослужащих. Этим фактом воспользовалась геббельсовская пропаганда, объявив виновниками гибели поляков «еврейских комиссаров» из войск НКВД.

В Советском Союзе сразу же была создана Специальная Государственная комиссия для расследования убийств немецкими фашистами польских военнопленных офицеров в Катынском лесу (под Смоленском). В ее состав вошли: академик Н.Н. Бурденко (председатель), академик А. Толстой, митрополит Николай, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С.А., народный комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В.П., начальник Главного военно-санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е.И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е. Расследование происходило с 20 по 26 января 1944 года. В результате осмотра тел погибших и опроса свидетелей члены Комиссии подписали акт, согласно которому польские военнослужащие были расстреляны осенью 1941 года немцами, переодетыми в красноармейскую форму.

В настоящее время проблема Катыни стоит особенно остро в связи с тем, что наши правители виновниками трагедии признали Сталина и НКВД, тем самым подтвердив версию Геббельса. Польское правительство погибшего под Смоленском Леха Качиньского потребовало извинений со стороны России будто бы за то, что польские офицеры были убиты летом 1940 года, причем, безо всякой вины. Как известно, Ельцин, запрещая в начале своего «царствования» КПСС, одним из мотивов запрета выдвинул Катынское дело, однако конституционный суд признал представленные документы фальшивыми и опротестовал решение Президента Российской Федерации. Недавно эти документы всплыли вновь и были переданы польской стороне под видом подлинных. Таким образом, еще раз была признана правдой версия Геббельса, несмотря на то, что в опубликованных его дневниках, кстати, признанных всем миром подлинными, подробно рассказано о планах устроенной немцами провокации. Сейчас Катынское дело можно считать законченным. В вышедшем в 2010 году сборнике документов «Немцы в Катыни. Документы о расстреле польских военнопленных осенью 1941 года» (ИТРК. Москва. 280 с.) с неопровержимой ясностью доказывается вина фашистских оккупантов. Не менее веские доказательства вины фашистских оккупантов в гибели польских офицеров содержатся также в книге Е. Пруд-

никовой и И. Чигрина «Катынь. Ложь, ставшая историей» (М., 2011. – 575 с.).

Недоброжелатели Толстого, стремясь уличить его в неискренности и в действиях в угоду Сталину, дружно обвиняют писателя в лжесвидетельстве, хотя еще до выхода в свет сборника документов по Катыни было много фактов, свидетельствующих о том, что Специальная комиссия была права в своих заключениях.

Приведу несколько собственных мыслей по этому поводу. Председатель комиссии академик Н.Н. Бурденко, наш земляк, по общему признанию тех, кто хорошо его знал (см., например, книгу: «Русановы. Из века в век. Воспоминания членов семьи, XIX–XX вв.»: в 2 т. – Воронеж: Изд-во полигр. фирма «Воронеж», 1996. – Т. 1. – С. 327–358), был неподкупным и кристально честным человеком, который ни за что бы не пошел против своей совести. Я была хорошо знакома с одним из участников экспертной группы, врачом С.С. Новиком. Однажды в разговоре я затронула тему Катыни и позволила себе некоторые сомнения о заключении Специальной (ее еще называют Особой) комиссии. Соломон Семенович очень рассердился на меня и твердо сказал, что как участник расследования убежден в том, что поляки были расстреляны немцами осенью 1941 года. Мне пришлось извиниться перед этим честным и во всех отношениях порядочным человеком, участником битвы за Сталинград.

Что касается митрополита Коломенского и Крутицкого Николая, то здесь нельзя забыть о том, что речь идет о втором лице в иерархии Православной церкви, как известно, проповедующей святые библейские заповеди, одна из них гласит: «Не лжесвидетельствуй». Если бы митрополит подписал ложные показания, церковь приняла бы на себя чудовищный грех, который нельзя оправдать никакими политическими мотивами.

Следует отметить, что А. Верт не поверил в геббельсовскую пропаганду. Он сразу понял, что это – попытка посорить Советский Союз с Польшей, что историю о массовых могилах в Смоленске немцы выдумали (Верт А. – С. 390, 395, 404, 407).

Оценивая литературное творчество военных лет в целом, А. Толстой писал: «...литература в дни войны становится истинно народным искусством. Она находит слова правды высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству <...> Литература наших дней – подлинное народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство» (Т. 14. – С. 347).

Начиная с первой своей статьи «Что мы защищаем», опубликованной в газете «Правда» 27 июня 1941 года, Толстой всю свою военную публицистику подчинил единой цели – борьбе за Родину. Она определила основные мотивы, которые он разрабатывал во всех последующих статьях. Это разоблачение целей гитлеризма, его программы и тактики ведения войны:

– проблема национального характера. Патриотизм русского народа. Вера в него, в его исторически закрепленную способность к сопротивлению;

– дружба народов Советского Союза, вера в их единство в борьбе с нашествием;

– достижения советской эпохи. Мощь страны Советов;

– опыт гражданской войны, когда народ победил 14 держав, ополчившихся на советскую республику.

В каждой строке первой антифашистской статьи звучала страстная вера в то, что советскому народу есть что защищать и он защитит страну от сильного и страшного врага, стремящегося во что бы то ни стало покорить Советский Союз.

Всю сознательную творческую жизнь А. Толстой стремился найти своего читателя, быть понятым своим народом, чувствовать себя его частью, постоянно ощущать тесную с ним связь. В военных статьях это ему удалось. Об этом хорошо сказал А. Фадеев в статье «Отечественная война и советская литература»: «Весь народ читает, слушает по радио выступления А. Толстого. Его статьи и очерки написаны на живом конкретном материале, проникнуты страстной любовью к русскому народу, к его славному прошлому, к его героическим делам в наше время» (Фадеев А. За тридцать лет. – М., 1957. – С. 256).

Писатель жил одной жизнью с воюющим народом, мучился его муками, ненавидел вместе с ним злого и страшного врага. А самое главное – постоянно, от статьи к статье, а также в художественном творчестве военных лет Толстой утверждал неизбежность победы над фашизмом, убеждал в этом своих читателей, где бы они ни находились. И я, пережившая войну, подтверждаю, что нам, читателям его газетных антифашистских статей, не было дела до его титулов. Он был своим, близким, был нашим другом, как и другие авторы-публицисты. Уверена, что, когда он выезжал на фронт, посещал военные заводы, тем, кто говорил с ним, слушал его, также не было важно, что когда-то писатель носил титул графа и звался барин.

Нередко фронтовики писали ему, и в этих письмах выражалось непосредственное отношение к прочитанному. В одном из писем, полученных Толстым с Западного фронта, говорится о том, что незаурядный талант писателя в дни войны проявился в другом, неизвестном ранее качестве. «Мы знали Вас раньше как прославленного писателя страны, как блестящего стилиста, как замечательного мастера исторического романа, с чудесной силой воскрешающего живые страницы истории. Теперь мы знаем еще Алексея Толстого – выдающегося патриота, агитатора, публициста, бьющегося с врагом замечательными статьями, полными великого гнева, нашего доблестного соратника в Великой Отечественной войне.

Ваши разящие статьи – «Кровь народа», «Я призываю к ненависти», «Почему Гитлер должен потерпеть поражение» – приняты на вооружение в частях Красной Армии. Они поднимают боевой дух бойцов и командиров, зажигают гневом и ненавистью наши сердца, помогают нашей закалке для решительных боев с немецкими оккупантами.

Мы высоко ценим и любим Вас за Ваши боевые призывы» (Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг. Письма читателей. Гослитмузей. – М., 1946. – С. 17).

Позволю себе продолжить цитирование писем, чтобы мой читатель убедился в том, что приведенные выше строки не случайное явление. Толстому писали солдаты, старшины, политруки. Писали от себя, по поручению коллектива представители самых разных слоев русского народа и самого разного уровня образования. Писали, начиная с осени 1941 года до осени 1944 года, когда он, смертельно больной, перестал публиковать свои пламенные статьи, писали ему и из далекого тыла. Так, уже немолодой ученый из Киргизии А.Л. Бродский, прочитав статью «Родина» («Правда». 7 ноября 1941), пишет Толстому 20 ноября 1941 г.: «Всколыхнули Вы все человеческое в моей душе своей статьей, и за это захотелось мне Вам, нашему родному, советскому писателю, сказать товарищеское спасибо...

Крепко жму Вашу хорошую руку». (Там же. – С. 16).

Из письма от 6 марта 1942 года, подписанного именами: Колодяжный, Артюх и др.: «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь вместе с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как и наши штыки, как клинки наших красных конников; его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим обнаглевших фашистов. <...> Так разите же, Алексей Николаевич, и дальше фашистскую гадину, а мы здесь будем громить ее так же метко и сокрушительно» (Там же. – С. 19).

Вот строки из письма Гр. Перфильева от 19 августа 1942 года: «Война только началась, русский человек только на одну пуговицу расстегнул свой ворот, и горе будет врагам, когда полностью, по-русски, распадется рабоче-крестьянская грудь. Они вывели нас из терпения...

Мы русские – мы все стерпим – и холод, и голод, но мы не любим неволю и за свободу зубами перегрызем насильникам горло... Передаю Вам, Алексей Николаевич, от всех своих бойцов боевое спасибо <...> Здесь на фронте люди меньше всего кривят душой, и если мы выражаем Вам свое спасибо, так это выражено от души, от всего сердца, высказано искренно, честно и правдиво» (Там же. – С. 20).

А вот рассказ одного из очевидцев: «...когда враг угрожал нашей столице поздней осенью 1941 года, в полку на Карельском перешейке агитатор читал бойцам перед строем статью Толстого «Кровь народа». Люди стояли молча, охваченные глубоким душевным волнением. Волновался и агитатор, голос его то срывался, то возвышался до крика. Чувствовалось, что от слов Толстого, ясных и веских, каждому бойцу становилось легче на душе, ибо каждый из нас верил писателю, утверждавшему, что поход Гитлера «на Москву закончится нашей великой всенародной победой...»

А когда агитатор дочитал статью, я услышал, как пожилой солдат с характерным псковским выговором сказал другому, молоденькому и голубоглазому, что Москву, видно, и впрямь отстоят и что «Толстой пишет крепко и доказательно» (Дымшиц А. В великом походе. – С. 416).

Огромное впечатление произвел на фронтовиков рассказ «Русский характер», опубликованный в «Красной Звезде» 7 мая 1944 года. В одном из писем красноармеец Казанцев рассказывает Толстому о том, что чтение рассказа слушали большим коллективом, а затем он стал распространяться в устной форме, «в виде пересказа». В письме говорится о том, как полюбили фронтовики рассказ, как близок их сердцам образ Егора Дремова, которого «будут вспоминать в тяжелые минуты боев как пример, достойный подражания» (Там же. – С. 24-25).

В другом письме сержант Николай Алмазов пишет о том, что он плакал, читая рассказ. «Какие у нас замечательные люди!.. Одни хорошо дерутся, другие хорошо любят, третьи хорошо пишут. А все это объединяется в нескольких словах – хорош советский народ, народ-богатырь, народ-человеколюбец, народ-художник. С таким народом можно, как выразился Маркс о коммунарах, «штурмовать небеса».

<...> Дорогой и любимый мой писатель! Больше пишите о нашем славном народе, о его легендарных подвигах в тылу и на фронте. Помните: герои рожают героев» (Там же. – С. 25).

В письме от 11 июня 1944 года группа фронтовиков, прочитав рассказ «Русский характер», сообщает автору, что история Егора Дремова растрогала их до слез, что они, «не стеснясь, плакали слезами радости». И вот тогда же фронтовики решили написать Толстому письмо «от всей простой мужицкой души и поблагодарить ... за Ваши статьи, которые дали ответ нам на вопрос: “Как же быть-то теперь?”» (Там же. – С. 27).

Популярность антифашистских статей А. Толстого была столь велика, что 13 декабря 1944 года приказом по 30-й Гвардейской стрелковой краснознаменной Рижской дивизии под номером 174 он был зачислен почетным бойцом. В приказе значилось: «За время Отечественной войны писатель Алексей Николаевич Толстой своим созидательным трудом внес большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. Его художественные произведения, статьи и публичные выступления содействовали разоблачению звериного лица германских империалистов, воспитывали у воинов Красной Армии и тружеников тыла беспредельную любовь к своей Родине, жгучую ненависть к гитлеровским разбойникам, звали советских людей вперед на боевые и трудовые подвиги.

Идя навстречу желаниям рядового, сержантского и офицерского состава дивизии, –

Приказываю:

Писателя, депутата Верховного Совета СССР, действительного члена Академии Наук СССР, лауреата Сталинской премии, шефа дивизии – товарища Алексея Николаевича Толстого зачислить почетным бойцом 1-й стрелковой роты, 1-го стрелкового батальона 98-го гвардейского стрелкового полка с присвоением звания “Гвардия”.

Командир дивизии гвардии подполковник – Фадейкин.

Начальник штаба гвардии подполковник – Колодяжный» (Творчество А.Н. Толстого. Сб. статей. – С. 209-210).

А. Толстой знал не только, о чем надо писать в дни войны, но и как писать, чтобы быть понятым читателями, воздействовать на их чувства и разум.

Если он когда-то с тоской признавался в том, что не знает своего читателя, то теперь каждое его слово имело адресат, было рассчитано на чрезвычайно широкий круг читателей, вместе с которыми он одинаково ненавидел фашистов, одинаково любил Родину. Несомненно, здесь сказалось и то обстоятельство, что детские свои годы А. Толстой провел на бедном хуторе вместе с деревенскими ребятишками, бывал в их избенках, знал крестьянскую жизнь не по книгам, видел ее не из окошек барского дома, а в реальных крестьянских обстоятельствах. Потому и не было дела его читателям, кто он по происхождению. Народ чувствовал в творениях писателя душу своего, близкого человека, страстного патриота, и был благодарен ему за нравственную поддержку.

Почти все публицистические статьи Толстого написаны на огромном фактическом материале, причем в большинстве случаев он получал этот материал, что называется, из первых рук, расследуя, например, фашистские злодеяния. Как правило, Толстой посещал места событий и писал свои статьи под впечатлением увиденного. Писатель встречался с фронтовиками, внимательно слушал их рассказы о военных событиях, ездил по местам, подвергнувшимся варварской бомбардировке, бывал на заводах, в ремонтных мастерских и т.д.

Факты, приводимые А. Толстым в статьях, были столь серьезны, что Геббельс, напуганный мировым резонансом публицистики писателя, выступил по радио с опровержением. А. Толстой ответил статьей «Лицо гитлеровской армии», где привел новые доказательства зверства фашистов, используя свидетельские показания, взятые из рассказов очевидцев, из информационных сообщений и корреспонденций сотрудников газеты «Красная Звезда».

В основе большинства своих статей Толстой нередко использовал какой-либо действительный случай, увиденный самим писателем. Так, после первых бомбардировок Москвы он проехал по ее улицам, чтобы понять реальные размеры бедствия. Это было 28 июля 1941 года, а на следующий день в газете «Красная Звезда» была напечатана статья под названием «Несколько поправок к реляциям Геббельса». А. Толстой понимал, что фашисты постараются преувеличить нанесенный столице ущерб, и потому считал своим долгом рассказать правду не только советским людям, но и мировому общественному мнению, что в тот момент было крайне необходимым. Писатель спокойно, с пониманием ответственности за свои слова рассказывает о впечатлениях от поездки по городу. Как очевидец, он утверждает, что восторженные заявления Геббельса о больших повреждениях столицы — очередная ложь. Кремль и памятники древней архитектуры не пострадали. Центральная электростанция цела, город живет. Москва надежно защищена зенитной артиллерией. «Фашистские бомбардировщики натываются под самой Москвой на такой ад зенитного огня, что сбрасывают бомбы как попало, близ города, на пустыри; лишь одиночкам

удается прорваться, остальные уходят, и их настигают наши истребители» (Т. 14. — С. 105).

В результате поездки в полк истребительной авиации и встречи с летчиком-истребителем В.А. Киселевым он пишет статью «Таран», где опровергает слова Гитлера о неспособности славян к воздушному бою. На примере тарана, совершенного Виктором Киселевым, писатель показывает превосходство наших летчиков, их храбрость, высокое летное искусство и малодушие фашистов, которые, даже когда их вдвое больше, не пытаются померяться силами с противником.

В основу статьи «Бессмертие» легло телеграфное сообщение с Гомельского направления, где говорилось о летчиках, повторивших подвиг Гастелло. Этот случай Толстой тотчас же использует для того, чтобы еще раз сказать о превосходстве советских воинов и о непобедимости нашего народа. «Их подвиг был прост для советского патриота, для русского летчика и невозможен, непонятен и неосуществим для человека-зверя, фашиста-немца <...>

Так умирают советские летчики, так умирают коммунисты, так воюет советский народ. Народ бессмертный и непобедимый!» (Т. 14. — С. 133-134).

Делу победы над фашистами служили все жанры литературы, в том числе и художественная публицистика. Много общего можно найти в таких разных по стилю и жанру произведениях, как публицистика А. Толстого, народный эпос «Василий Теркин» А. Твардовского (названный А.М. Абрамовым «энциклопедией фронтовой жизни»). «Мы сдюжим», — утверждал Толстой. «Перетерпим, перетрем», — заявлял Твардовский. Что же касается публицистических военных статей, то по своему духу, по твердой уверенности в окончательной победе над врагом они близки статьям И. Эренбурга, самого популярного тогда автора, статьям М. Шолохова, Н. Тихонова, А. Фадеева...

Значительное место в военных статьях А. Толстого занимает тема культуры. Писатель отзывался на многие факты фашистского вандализма, вскрывая их ненависть к культуре вообще. Когда фашисты разграбили Ясную Поляну, Толстой откликнулся на это возмутительное событие статьей «Фашистами осквернен дом Льва Толстого» (другое название «Отрубить им руки!»). В ней он разоблачает политику гитлеровцев, стремящихся «уничтожить, стирать с лица земли всякую национальную культуру, чтобы человечество стало “не помнящим родства”, чтобы не осталось в поработанном фашистами мире иных заповедей, кроме бредовой книжки Гитлера «Моя борьба» (Т. 14. — С. 183). А. Толстой объясняет, что осквернение могилы величайшего писателя мира — звено в цепи многочисленных преступлений перед культурой, и это не может не вызвать ненависти к вандалам XX века. Сообщение об очередном преступлении фашистов дало возможность писателю поставить перед всеми народами мира задачу «спасти цивилизацию и свободу, спасти гуманитарную культуру, над которой потрудились столько поколений».

Тема культуры как свидетельство непобедимости и мощи народа проходит через многие выступления Толстого — как письменные, так и устные. Так, репетиция сдь-

мой симфонии Шостаковича, на которой он присутствовал и которой дал свое оригинальное толкование, позволила ему высказать мысль о творческом гении советского народа, о тесной связи художника со всем народом и об отражении в музыке единоборства двух сил – добра и зла. Симфония Шостаковича, написанная в осажденном Ленинграде, представляется ему победным торжеством «всего высокого и прекрасного, созданного гуманитарной культурой», произведением, возникшим «из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами... Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества» (Т. 14. – С. 361-362).

В своих антифашистских выступлениях А. Толстой не мог обойти имя Пушкина, сыгравшего громадную роль в эволюции не только художественного, но и исторического его сознания. Как уже говорилось, Пушкин пришел к Толстому не сразу. В детстве на хуторе Сосновка любимым писателем в семье А. Бострома был Некрасов. Раннее творчество Толстого было в стороне от пушкинской традиции, а в годы революции и гражданской войны он даже полемизировал с Пушкиным, например, в рассказе «День Петра». Пушкин входил в творческое сознание писателя вместе с мыслью о потерянной Родине и о совершенной им роковой ошибке. Пушкин помог ему вернуться в Россию, «вжиться в современность», создать классический, не превзойденный никем исторический роман о Петре Первом и стать поистине народным писателем. И когда пришла на русскую землю страшная беда, Толстой не мог в своих военных статьях не вдохновляться творчеством русского гения. В период Великой Отечественной войны он неоднократно обращается к Пушкину, черпая в его творчестве уверенность в победе русского оружия. В этом Толстой был не одинок. К Пушкину как к знамени Победы в военные годы обращаются представители почти всех национальных литератур. Для них гений русского народа был хранителем Москвы, символом непобедимости, знаменем Победы. С первых дней войны национальные поэты обращаются к Пушкину со словами верности и дружбы, с верой в то, что он поможет сохранить свободной и независимой «родимую Москву».

Когда наши перешли в наступление и фашисты замесились в огненном кольце, А. Толстой вновь обращается к стихам Пушкина. В статье «Вековая сила» он пишет: «У немцев потеряна основная ориентировка: сердце России, к которому они так нетерпеливо тянулись, чтобы молниеносно вонзить в него рогатину. Но ... “Мчатся тучи, вьются тучи; невидимкою луна освещает снег летучий; мутно небо, ночь мутна”, – рогатина оказалась в богатырских руках Красной Армии» (Т. 14. – С. 287).

Откликаясь очередной статьей на битву на Курской дуге, писатель вспоминает пушкинскую песню о Марко Якубовиче и вурдалаке. Подобно вурдалаку, Гитлер вышел к нам сначала страшным великаном, а на третье лето, когда подул на него дым московского салюта, он был мал и жалок настолько, что мог бы сидеть на крысе (Т. 14. – С. 306-307).

В военные годы Пушкин олицетворял для Толстого, как и для многих деятелей советской многонациональной культуры, ум, совесть и величие России, русского народа, в котором «искони жило и не угасало стремление к нравственному совершенству».

Восприятие Пушкина – один из показателей формирующейся советской многонациональной культуры, что является следствием крепких духовных, политических и экономических связей. А. Толстой убежден в том, что одна из крупнейших ошибок Гитлера заключается в недооценке единства народов страны. Советский народ ему казался «колоссом на глиняных ногах», готовым рассыпаться при первых же ударах. Однако Советский Союз, – пишет Толстой в статье «Клянемся не осквернить святости нашей Родины», – «лишь врос стальными ногами крепче в родную землю, и не противоречия и национальная вражда, но высокое чувство братской дружбы всех народов, любовь к своей и для всех общей родине, жгучая и деятельная ненависть к врагу руководят его делами, мыслями и чувствами».

<...> У нас одна родина, один фронт и один тыл <...> Единение и братство – наша несокрушимая броня» (Т. 14. – С. 168-169).

Отдавая дань многонациональному единству советского народа, Толстой все же на первый план ставит историю России и проблему русского национального характера. Во всех своих публицистических и художественных произведениях годов войны писатель определяет русский народ как силу, образующую государство, сплотившую вокруг себя все народы и народности Советского Союза. Для него, как уже говорилось, понятие «русский» не противоречит понятию «советский», хотя писатель не забывает о том, что у каждого советского народа есть свой специфический национальный характер. Однако надо признать, что нередко под понятием «советский» у Толстого кроется понятие «русский». В статье «Москве угрожает враг» Толстой пишет: «Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она теперь, когда нет моей родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая от страха голову, перед мордатым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье родины моей, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости – все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем?!..

<...> Нет! Лучше смерть! Лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!» (Т. 14. – С. 152).

Тема русского национального характера в грозные военные годы разрабатывалась не только А. Толстым. Ее мы можем легко обнаружить и в «Василии Теркине» А. Твардовского, и в «Русских людях» К. Симонова, и в творчестве многих советских писателей. Не надо забывать, что и национальные поэты-фронтовики нередко принимали на себя имя «русский».

Особенно близок А. Толстой в разработке этой темы к А. Твардовскому. Бывшего дворянина А. Толстого и кре-

стьянина А. Твардовского в военном их творчестве сближало главное – вера в силу и могущество русского народа, его непобедимость, уверенность в том, что «мы сдюжим», вернем все, что отдали врагу в силу тяжелых обстоятельств. Оба они через «обыкновенный» образ рядового солдата раскрывают главные черты народа, его породившего, – он плоть от плоти России, кровь от крови русского человека.

Знание русской истории («Наша земля немало поглотила полчищ наезжающих на нас насильников...» (Т. 14. – С. 165), понимание души русского человека помогли Толстому утвердиться в этом убеждении и внушить мысль своим читателям и слушателям о том, что наша земля «без следа поглотит и эти немецкие орды» (Там же).

Писатель знал, что советское правительство сделало немало ошибок, не всегда оно было правым по отношению к своим гражданам, но он верил в способность русского человека, когда это необходимо, встать выше своих обид и отдать свою жизнь за родную землю, во имя спасения родины. В этом отношении интерес представляет рассказ «Странная история» из цикла «Рассказы Ивана Сударева».

Герой его, крестьянин Петр Филиппович Горшков, когда-то был несправедливо осужден за вредительство, десять лет провел в лагерях, где многое передумал и переосмыслил. Когда в деревню пришли немцы, они сделали его старостой. Видя злодейства немцев, он, забыв свои обиды, связался с партизанами, которые поверили в его искренность, и стал им помогать. Помощником он оказался отличным, но попался на каком-то пустом деле и был осужден фашистами на лютую казнь. Когда Красная Армия, прорвав фронт, оказалась в том районе, где находилась деревенька Медведовка, первыми туда ворвались партизаны. Стремясь спасти Горшкова, они обнаружили его в ужасном состоянии, всего изломанного и избитого, повешенного за ребро. «Когда Евтюхов, крикнув ребят, попытался приподнять его, чтобы облегчить муку, Петр Филиппович, видимо, уже не в себе проговорил:

– Ничего... Мы люди русские...» (Т. 14. – С. 42).

Несмотря на то, что понятия «русский», «Россия», «русская земля» были узаконены в публицистике и в художественной литературе, все же оставались противники выдвижения на первый план этих понятий. Еще оставались в памяти некоторые положения школы историка М.Н. Покровского, согласно которой русский народ угнетал подчиненные ему народы и русская история представляла собой сплошное темное царство.

Толстой в военные годы решительно заявил о том, что пришла пора окончательно преодолеть некоторую «стеснительность» в произношении слова «русский», что в дни, «когда русский народ, составляющий значительное большинство состава Красной Армии, вместе с другими братскими народами выходит на первое место в мире, нужно во весь голос говорить о русском народе» (Т. 14. – С. 352).

По словам Толстого, у русского человека есть вековое чувство справедливости. Он великодушен, значит бес-

поощаен к нарушителям человечности и потому бесстрашен перед лицом смерти. Война всегда смерть, но важно знать, за что человек идет умирать. «Идет на смерть русский, идет на смерть немец. Но для победы важно и решающе лишь одно: во имя чего идет на смерть один, идет на смерть другой. Высота нравственной задачи определяет душевное напряжение, стойкость, отвагу и боевую ярость солдата...»

Всего этого лишен его противник-немец, и потому русский солдат непобедим. Своим рассуждением о русском народе Толстой подводит итог в рассказе «Русский характер»: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила – человеческая красота!» (Т. 14. – С. 49).

Размышления о русском национальном характере в военном творчестве А. Толстого тесно связаны с мыслями об историческом развитии России, о ее героях и становлении русской государственности. Утверждая непобедимость русского народа, Толстой привлекает в качестве аргументов героические эпизоды русской истории, и таким образом его пламенные призывы становятся более убедительными и сильнее воздействуют на ум и душу воинов, партизан и тружеников тыла – всех, к кому были обращены его слова.

Начиная с первого периода войны, в прозе, драматургии и в поэзии активно раскрывается тема национальной героики, и в литературах народов СССР, а также в советской исторической науке. Связь истории с современностью – примечательная черта всей советской многонациональной литературы годов войны. Из глубины истории были вызваны образы национальных героев, и их призывы к защите родины звучали очень современно.

Как уже говорилось, А. Толстой признавался в одной из автобиографий в том, что в русской истории его внимание привлекают четыре эпохи: «...эпоха Ивана Грозного, Петра I, гражданской войны 1918-1920-х годов и наша – сегодняшняя – небывалая по размаху и значительности <...> Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер» (Т. 1. – 1943. – С. 88).

Великая Отечественная война соединила в один неразрывный узел прошлое, настоящее и будущее советского народа, и потому так естественно присутствие в статье «Родина» былинного образа пращура, который пришел на русскую землю «жить навечно» и, «глядя посолонь (посолонь – по солнцу. – П.Б.), наверно, различил в дали веков эти дела народа своего и сказал тогда на это: “Ничего, мы сдюжим...”» (Т. 14. – С. 164).

Историзм и идея русской государственности, пронизывающие военную публицистику Толстого, не могли не сказаться на его крупных художественных произведениях: на третьей книге романа «Петр Первый» и на драматической дилогии «Иван Грозный». Третья книга романа, так и не законченного писателем, носит на себе явные следы влияния общей атмосферы военных событий. В беседе с

сотрудником журнала «Смена» в феврале 1944 года Толстой сказал: «Третья книга – самая главная часть романа о Петре, она относится к наиболее интересному периоду жизни Петра. В ней будет показана законодательная деятельность Петра I, его новаторство в области изменения уклада русской жизни...» (Т. 14. – С. 378).

А.В. Алпатов в статье «О третьей книге романа “Петр Первый”» пишет, что А. Толстой «не просто досказывал изложенное им когда-то в двух первых томах. Для него работа над третьим томом была новой, особой ступенью его творческого развития. Он с необычайным подъемом приступал к ней, готовясь сказать и выразить здесь многое, внутренне переполнявшее его» (Творчество А.Н. Толстого. Сб. ст. – С. 97). По мнению исследователя, писатель показывает, как и в чем меняется облик героя, как углубляется анализ его государственной деятельности, усложняются отношения с народом, раскрывается тема крепнущей военной мощи новой России, развивается тема поднимающейся культуры русского общества и побеждают новые начала в бытовом укладе жизни.

А.В. Алпатов отмечает, что Толстой дает почувствовать читателю атмосферу усилившегося крепостного гнета и сопротивления Петру снизу. Представители народа при этом наделяются чувством собственного достоинства и ощущением силы и мощи.

Роман «Петр Первый» признан всеми как одна из вершин исторического жанра в мировой литературе. «... “Петр” – это твоя вершина и вершина советской литературы, – и ежели конец эпопеи будет написан тобою с такой же силой и с таким же бесподобным мастерством словесным, как и первая книга, то это твое детище обесмертит имя творца его», – писал Толстому известный романист Вячеслав Шишков в письме от 14 февраля 1940 года (см.: Переписка. Т. 2. – С. 300).

Ромэн Роллан в 1937 году назвал роман о Петре Великом «замечательной гигантской эпопеей». Он был восхищен «мощью неисчерпаемой» и «талантом писателя» (Переписка. Т. 2. – С. 263).

Это лишь два высказывания о художественных достоинствах романа «Петр I» из нескольких десятков других, столь же положительных и нередко восторженных. Тем удивительнее попытка принизить и даже перечеркнуть знаменитое произведение Толстого, которую мы видим в книге Б. Сарнова.

Значительным явлением военного творчества А. Толстого была работа над драматической повестью «Иван Грозный», тесно связанной, с одной стороны, с романом «Петр Первый», с другой – с его публицистическими статьями. Интерес писателя к самому спорному историческому деятелю России связан с его размышлениями о русской государственности, возможно обострившимися после прочтения книги академика Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», изданной в Берлине в 1922 году.

Работа над романом о Петре I, который, как известно, высоко ценил деятельность своего предшественника, также способствовала возникновению интереса писателя к эпохе XVI века. Замысел написать пьесу об Иване Грозном относится к середине 30-х годов. В конце января

1935 года В.Д. Бонч-Бруевич в письме к М. Горькому сообщает, что А. Толстой «очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материал – книги, портреты – и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать» (Цит. по: Крестинский Ю. А.Н. Толстой. Жизнь и творчество. – С. 221). Комитет по делам искусств при СНК в конце 1940 года предложил Толстому написать пьесу об Иване Грозном (там же, с. 284), и уже в марте 1941 года писатель сообщил, что работает над материалами, связанными с эпохой XVI века (Архив А.Н. Толстого, № 909).

Великая Отечественная война, несомненно, ускорила работу над задуманной им трилогией (так первоначально предполагалось) о Грозном. В это время имя Грозного было, что называется, на слуху. В военные годы выходят из печати исторические исследования об Иване IV: книга Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» (второе издание), исследования И.И. Смирнова, С.Б. Бахрушина, исторические пьесы И. Сельвинского («Ливонская война»), В. Соловьева («Великий государь»), роман-трилогия В. Костылева «Иван Грозный», одноименный фильм С. Эйзенштейна, созданы исторические полотна художника П.П. Соколова-Скаля...

Художественная интерпретация Ивана Грозного основывалась на новейших исторических работах. Так, в одной из них мы читаем: «В биографии Ивана Грозного можно найти великую любовь и великую ненависть, но в ней нет места мелким и слабым чувствам... Как ни сильны страсти у Ивана Грозного, как ни велика их власть над ним, все же поведение Ивана Грозного как политика и государя определяется не ими, а факторами совсем другого рода. Он выступает перед нами как проводник вполне определенных политических идей, целой политической программы <...> Так, в Иване Грозном человек и государственный деятель оказываются в неразрывном единстве с теоретиком, публицистом, политическим писателем» (Смирнов И.И. Иван Грозный. – М., 1944. – С. 102, 103, 105).

Черновик большой статьи Толстого о Грозном, хранящийся в его архиве, дает возможность выяснить, как писатель в период начала работы над дилогией представлял себе личность царя. «Он был разносторонне талантлив – политический деятель, воин, мыслитель, организатор, любитель философских диспутов, для которых приглашали людей из-за границы, сочинитель обличительных, саркастических писем, язык которых даже и сегодня – свеж и своеобразно художественен. Он сочинял духовную музыку. Его ум был в вечном горении, в возбуждении от идей, овладевавших им... Феодалы его ненавидели и сеяли клевету, которая попала в исторические сочинения о Грозном. Народ его любил, потому что видел высокую разумность его дел, направленных к созданию и укреплению единого государства. Он был жесток, но это было в духе того сурового времени, жестокость его никогда не была бессмысленной, но обусловлена борьбой за поставленные цели... В достижении своих целей он не останавливался ни перед какими трудностями, так как считал себя

выполнителем исторически предначертанных идей. Он верил в то, что Московское царство должно стать источником добродетели и справедливости» (Архив А. Толстого, № 834).

В автобиографии 1943 года Толстой пишет: «Оглядываясь сейчас на два страшных и опустошительных года войны и вижу, что только вера в неиссякаемые силы нашего народа, вера в правильность нашего исторического пути, тяжелого и трудного, справедливого и человеческого пути к великой жизни, только любовь к родине, жаркая боль к ее страданиям, ненависть к врагу – дали силы для борьбы и для победы. Я верил в нашу победу даже в самые трудные дни октября-ноября 1941 года» (Т. I. – С. 89).

Именно тогда, находясь недалеко от города Горького, он начал писать драматическую повесть «Иван Грозный». «Она была моим ответом на унижения, которыми немцы подвергли мою родину. Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу – Ивана Грозного, чтобы вооружить свою «рассвирепевшую совесть» (Т. I. – С. 89-90).

Продолжая писать публицистические статьи и выполняя большое количество разного рода обязанностей, Толстой считал драматическую повесть о трудных годах русского государства самой нужной и «самой важной работой» (Архив А. Толстого, № 1007).

Своей драматической повестью о Грозном Толстой воевал с фашизмом с не меньшей силой, чем публицистическими статьями. Это понимали многие. Так, на вечере памяти А. Толстого С. Михоэлс рассказал, что, впервые слушая чтение «Грозного» в феврале 1942 года, очень современно воспринимал сцену, где лекарь-немец ставит диагноз царю – «он безнадежен», и затем Иван неожиданно преодолевает смертельную болезнь. Позже, после одного из чтений дилогии (в Актюбинске), А. Толстой спросил: «А вот скажи, чувствуешь ли, что я воюю или нет?», и великий артист утверждает: «Он действительно воевал в этом произведении». Оценивая сцену у гроба Марии, когда Иван полон мыслями о судьбе народа, Михоэлс заключает: «Так мог писать патриот. Так мог писать патриот в дни войны, когда он произведениями своими именно воевал» (см.: Стенограмма вечера памяти А. Толстого 25 февраля 1946 года. Материалы кабинета ВТО).

Работа над пьесой и статьями шла одновременно. Доказательства тому – черновики, хранящиеся в архиве писателя. Немало там есть листов, где на одной стороне – наброски статьи («Родина», например), а на другой – какой-либо эпизод дилогии. Как правило, по содержанию наброски очень близки друг другу. Архивный материал свидетельствует и о том, что работа над статьями и над дилогией шла параллельно с работой над третьей книгой романа «Петр Первый».

Первоначально в работе над дилогией об Иване Грозном Толстой ставил перед собой задачу – осветить преемственную связь идей петровского времени с идеями XVI века. В дальнейшем пьеса вылилась в драматическую повесть об эпохе «огромного подъема творческих сил русского народа», личности Ивана IV и о людях, его окружаю-

щих, в которых «с особенной яркостью отразилось все своеобразие, весь размах русского характера» (Т. 14. – С. 373).

Первую часть драматической повести Толстой закончил в феврале 1942 года под Ташкентом, где он в это время жил. Пьеса под названием «Орел и орлица» была издана в Ташкенте в 1942 году на правах рукописи.

Название пьесы связано с замыслом писателя показать вторую жену Грозного, кабардинскую княжну Марию Темрюковну, достойной подругой царя, понявшей его замыслы и поддерживающей его политическую программу.

Были ли у писателя основания для такой трактовки царицы? Несомненно, были. В исторических исследованиях и легендах она характеризуется как женщина сильного характера. Есть сведения и о том, что именно царица Мария подсказала Грозному идею опричнины.

Царь Иван был уверен в том, что вторую его жену, как и первую, Анастасию Романовну, погубили бояре.

Грозный для Толстого – орел, воплощающий в себе огромную энергию и волю. Его величие и сила, по замыслу писателя, должны были явиться опровержением представлений Гитлера о русском человеке, якобы не способном ни к какому активному действию, слабому и малодушному.

Общественность довольно быстро узнала о новом произведении А. Толстого. Будучи в Ташкенте, писатель получил письмо от директора Института истории АН СССР, находящегося также в столице Узбекистана, академика Б. Грекова (от 2 марта 1942 года), в котором содержалось приглашение провести вечер в обществе историков (исключительно) «для обмена мнениями по вопросам, затрагиваемым Вами в Вашей пьесе» (Архив А. Толстого, № 1164).

Как сообщала «Литературная газета» (1942, 14 марта), присутствующие с огромным вниманием слушали чтение пьесы А. Толстого. Большинство из них поверили в достоверность образа Ивана Грозного. Академик Б. Греков сказал о том, что трактовка царя Ивана совпадает с выводами современных историков.

Однако Председатель Комиссии по делам искусств при Совете Министров СССР М.Б. Храпченко в статье «Современная советская драматургия» (газета «Литература и искусство». 1942, 30 мая) подверг пьесу «Орел и орлица» резкой и во многом несправедливой критике, считая, что она противоречит законам социалистического искусства. Пьеса оказалась под угрозой запрета, и тогда А. Толстой обратился к Сталину (кстати следует заметить, что обращение к главе государства деятелей литературы и искусства было явлением довольно частым).

Сталин имел четкое представление о личности Ивана Грозного и его роли в истории развития русской государственности. Во время встречи с С. Эйзенштейном и Н. Черкасовым 24 февраля 1947 года Сталин говорил о том, что «Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и старался объединить Россию. <...> Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был

крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией» (Черкасов Н. Записки советского актера. – М.: Искусство, 1953. – С. 380).

Есть все основания предполагать, что взгляды Толстого на личность Грозного полностью совпадали со сталинскими. А. Толстой не раз говорил со Сталиным по телефону относительно трактовки Ивана Грозного. Один из таких разговоров по телефону произошел, например, в Москве 17 июня 1943 года.

Разговоры со Сталиным, несомненно, способствовали размышлениям Толстого о личности Грозного и людей его окружающих, но не меняли его отношения к герою и его эпохе, о чем свидетельствует архивный материал.

Таким образом, утверждение Ю. Оклянского о том, что Толстой заболел в результате того, что Сталин принудил его, вопреки собственным убеждениям, создать «фальшивый образ Грозного», является надуманным.

Как уже говорилось, Толстой в военные годы не щадил себя и был физически и морально переутомлен. Особенно удручала его работа в Комиссии по расследованию фашистских злодеяний. Об этом осталось много свидетельств. Приведем одно из них. О. Литовский в книге «Так и было. Очерки. Воспоминания. Встречи» (М.: Советский писатель, 1958) пишет: «Как член Чрезвычайной Комиссии по расследованию немецких зверств он (Толстой. – П.Б.) разъезжал по Советской стране, обследовал разрытые могилы, ходил вдоль рвов и канав, переполненных трупами расстрелянных, удушенных, замученных, уже сгнивших людей – стариков, детей, женщин, молодых и старых. После каждого такого путешествия приезжал буквально больной. И уже совсем разбитый и простуженный приехал из Харькова, где в распахнутой шубе находился на площади, на которой казнили фашистских палачей» (с. 97). Это было 18 декабря 1943 года. И уже через полгода писатель начал чувствовать себя больным (см. Творчество А. Толстого. – С. 207).

О том, как подействовало на Толстого участие в расследованиях и присутствие при казни преступников, чего он не считал вправе избежать, мне поведала при личной встрече Людмила Ильинична. Она рассказала, что из Харькова Алексей Николаевич вернулся неузнаваемым. Он постарел, осунулся, стал сильно кашлять и, хотя не переставал активно работать, здоровым себя не чувствовал. Людмила Ильинична была уверена в том, что поездка в Харьков явилась причиной роковой болезни.

Едва оправившись от потрясения, писатель продолжал много и интенсивно работать, в том числе и над диалогией.

Разумеется, в первом варианте пьесы Толстой допустил немало просчетов, на которые ему указывали не только Сталин, но и историки, и многочисленные читатели. Наиболее четко основные недостатки были сформулированы народным артистом СССР Н. Хмелевым в письме к А. Толстому (май 1942 года). Высказываясь от имени Художественного театра, актер писал о необходимости сделать более отчетливым политико-государственный стержень произведения. «Это касается в первую очередь образа самого Ивана, но захватывает и противников его (на-

пример, Курбского) и новых, молодых сторонников. Прогрессивная природа опричнины, намеченная в пьесе, как нам кажется, требует еще более полного раскрытия в ролях, во взаимоотношениях, в самом акценте пьесы...» (Ежегодник МХАТ за 1945 год. Т. 2. – М., 1948. – С. 344).

Создавая драматическую повесть, Толстой, как уже говорилось, широко использовал многочисленные исторические документы и работы дореволюционных и советских историков, хранящиеся в его личной библиотеке. Преодолевая устоявшуюся традицию в изображении Ивана Грозного в русской художественной литературе, Толстой усиливает в своём герое ум, способности государственного деятеля, проницательность и твёрдую уверенность в непобедимости и могуществе русского государства, подчёркивает его дипломатические способности. Особенно выделяет писатель патриотизм Грозного. Он снимает всё, что говорит о слабости и неврастечности, растерянности и бессилии, что в известной мере было присуще Грозному первых редакций, показывает превосходство царя над его противниками.

Особое внимание А. Толстой уделял первоисточникам: посланию царя к князю Курбскому и другим лицам, «Истории о Казанском царстве», посланиям Филофея и Ивана Пересветова, «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», «Повести о приходе Ивана IV на Новгород», «Повести» князя Катырева-Ростовского, летописям, относящимся к XVI веку. «Беседа Валаамских чудотворцев», наряду с «Историей князя великого Московского» и посланиями князя Курбского, дала писателю богатый материал для выяснения идеологии боярства.

Широко использовал также Толстой записки иностранцев; об этом позволяют говорить сам текст драматической повести, черновики ее и экземпляр «О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника» Генриха Штадена (с пометками писателя) в его личной библиотеке.

Следует сказать несколько слов о том, как использовал Толстой сказание Генриха Штадена (Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925 год). Как известно, сведения о кровавой расправе Грозного с Новгородом связаны исключительно с записками немцев, участвовавших в походе на мятежный город. О «лютой» расправе с ним повествует Штаден, который, видимо, больше всего зверствовал в Новгороде, а затем бежал из Москвы в Ливонию и представил там свой проект покорения Московии.

Исторические источники Толстой внимательно изучал в процессе всей работы над диалогией. Новые документы часто давали материал для построения новых сцен или введения новых деталей. Иногда Толстой вычеркивал или изменял целые сцены, отказываясь от первоначального замысла, если под влиянием новых источников приходил к выводу, что они противоречат исторической истине.

Очень интересно было проследить, какие отдельные образцы, приводимые там исторические документы, слова и фразеологизмы, специфические для изображаемого времени, писатель отмечал карандашом и как потом вводил их в словесную ткань произведения, что ещё более

усиливало ощущение эпохи и придавало ему достоверность.

Как и в работе над «Петром Первым», Толстой творчески использует пушкинские принципы построения художественного произведения на историческую тему: неразрывность связей «судьбы человеческой и судьбы народной», «правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах», требование «широкого изображения характеров», принцип занимательности как «первый закон драматического искусства».

Надо сказать, что в русской историографии и русской художественной литературе есть немало произведений, в которых берется под защиту личность и деятельность Ивана IV. Возьмем в качестве примера строки из стихотворения А. Майкова «У гроба Грозного». Поэт возмущен тем, что судьба не изрекла над ним последнего суда и «с гроба этого тяжелая опала / Еще не снята; что, быть может, никогда / На свете пламенной души не появлялось...».

С первых набросков пьесы писатель старался представить образ Ивана IV так, как он отложился в народном сознании. Народ недаром сделал Ивана Грозного своим эпическим героем. Он забыл о казнях и трудностях времени его царствования, не захотел помнить даже о нечаянном убийстве им старшего сына; он помнил лишь о том, что царь «за правду милует, за неправду вешает», что он, «устроитель каменной Москвы», жестоко расправлялся с боярами и что при нем русское государство навсегда освободилось от страшной угрозы со стороны кочевников-татар, стало могучим и независимым.

* * *

А. Толстой много раз писал и говорил о необходимости художественного авторского вымысла, основанного на тщательном изучении всех исторических фактов и досконального знания эпохи. Так, в статье «Над чем я работаю» он писал: «Исторический материал хорошо переварить, чтобы он из материала стал богатством образов и мыслей». Писатель был убежден в том, что строгий документализм сковывает писателя, не позволяет создать художественный фон эпохи, ограничивает развитие сюжета, не дает персонажам жить по законам художественной правды, «мыслить и говорить так, как их к тому толкает их эпоха и события той эпохи» (Т. 13. — С. 593).

Писателя интересовала не последовательность событий жизни Грозного, он стремился к тому, чтобы «образ дать ... душу царя Ивана найти», художественно объяснить смысл и причинную связь его действий. Отсюда присутствие в диалогии вымышленных лиц, вплоть до былинного Василия Буслаева. Всей своей деятельностью в годы войны Толстой утверждал, что не может погибнуть и никогда не погибнет русское государство, построенное в муках нашими дедами и прадедами.

Надо сказать, что художественный образ Ивана Грозного очень удался писателю. Перед нами сложный человеческий характер, в котором уживаются самые противоречивые качества, самые противоположные чувства. С большим мастерством, сохраняя «правдоподобие

чувствований в предполагаемых обстоятельствах» (А.С. Пушкин), Толстой показывает бешеный темперамент своего героя, его непоследовательность, доверчивость и вспыльчивость, его жестокость, стремление к добру и красоте, настоятельную потребность оправдаться в глазах любимой женщины, его уверенность в своем божественном праве казнить и миловать, стремление «устроить землю» и мучительные минуты сомнения. Сила и слабость, гуманизм и жестокость тесно переплетаются в образе Грозного, и эта диалектическая борьба и единство противоположных чувств составляют живой человеческий характер, в котором автор стремится максимально соблюсти соответствие исторического и художественного. Недаром этот трагический герой так привлекал выдающегося актера XX века Н. Хмелева, умершего на генеральной репетиции в полном облачении царя. Об этой подготовленной, но так и не сыгранной роли написано немало интересного (см., например, М.О. Кнебель. Вся жизнь. — М., 1967).

Вместе с тем драматическая повесть о Грозном не лишена определенных просчетов. Самым спорным моментом является трактовка опричнины. Толстой, внимательно изучивший весь фактический материал, касающийся этого сложного вопроса, исторически верно определил опричнину как необходимую меру борьбы царя с феодальной разобщенностью и как опыт создания боевого регулярного войска. Но в драматическом действии показывает ее крайне односторонне. Выводя на первый план прогрессивную основу опричнины, писатель не учитывает того, что она в известной мере стала причиной большого хозяйственного кризиса и что от своеволия опричников страдали не только опальные князья и бояре, но и народные массы.

Художественные просчеты касаются также изображения внешних врагов Грозного, которые подаются очень ходульно и даже гротескно, что противоречит общему стилю произведения. Надо сказать, что в процессе работы писатель пытался исправить этот недостаток, о чем свидетельствуют архивные материалы.

Есть и известная идеализация отношений грозного царя с народом. Писатель, видимо, сам чувствовал, что созданный им в первой редакции образ не является убедительным, много над ним работал, однако от первоначального замысла показать царя Ивана великим государственным деятелем и патриотом он ни в коем случае не отказывался.

Я убедилась в этом, работая над архивными источниками и прослеживая по ним историю создания сложного и чрезвычайно интересного произведения (см.: Бороздина П.А. Драматическая повесть А.Н. Толстого «Иван Грозный» (творческая история). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Воронеж, 1955).

Утверждение, что в процессе написания диалогии у Толстого «сильно покачнулась» вера в Сталина и что в результате сталинского вмешательства в ее творческую историю в художественном отношении она стала «более ходульной и декларативной», ничем не доказывается.

В качестве опровержения этой мысли можно привести хотя бы высказывание известного советского режиссера А.Д. Попова (один из постановщиков в МХАТе спектакля «Трудные годы») о том, что в пьесе он ощущает «шекспировский размах в толстовской характеристике образов, в их неразрывной связи с исторической и социальной средой» (М.О. Кнебель. Вся жизнь. — С. 439). Таким образом, утверждение о художественной неполноценности произведения пусть остается на совести литературоведа Ю. Оклянского.

Но вернемся к проблеме Сталин и Толстой, тем более, что мы еще не затрагивали вопрос, связанный с темой «Английский след» (см.: Оклянский Ю. — С. 150-170, 412 и др.; Варламов А. — С. 554-557). Ю. Оклянский и А. Варламов утверждают, что Сталин в конце 1944 года назвал А. Толстого английским шпионом и главой заговора писателей. Оба критика ссылаются на К.Л. Зелинского, которому, по его словам, А. Фадеев поведал о разговоре со Сталиным на этот счет.

На исходе 1944 года Сталин будто бы вызвал к себе Фадеева и, одетый в полный маршалский мундир, показал ему папку с документами, уличающими А. Толстого, И. Эренбурга, Н. Павленко, К. Федина и других писателей в том, что они являются английскими шпионами. При этом якобы сказал: «...разве Вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион?». Ю. Оклянский утверждает, что подозрения тянулись за Толстым с середины 1930-х годов. Если это так, то почему же писателя выпускали за границу? Причем без особых затруднений? Странно. Ссылаясь на К.Л. Зелинского, Оклянский дает ему же нелестную характеристику как личности, сомнительной в моральном отношении, не вызывающей доверия (С. 139 и др.). Кстати сказать, мое знакомство с Корнелием Люциановичем (мы встречались с ним в Малевке) дает основание присоединиться к этой характеристике.

Между тем замечу, что разговор со Сталиным происходил якобы в конце 1944 года, а в это время писатель умирал в Кремлевской больнице от неоперабельного рака легкого. Сталин не мог не знать этого. И наконец, еще одно обстоятельство. А.Н. Толстой скончался 23 февраля 1945 года, а на второй день газета «Правда» сообщала: «Совет Народных Комиссаров Союза СССР и Центральный комитет извещают о смерти выдающегося русского писателя, талантливого художника слова, пламенного патриота нашей Родины (подчеркнуто мной. — П.Б.), депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого». Была создана правительственная комиссия, и похороны прошли, что называется, по первому разряду. Похоронен он был на Новодевичьем кладбище, на могиле установлен гранитный памятник. Разумеется, все это делалось не без ведома Сталина. В «Правде» был помещен некролог, в котором писателю давалась высокая оценка: «Алексей Толстой останется в нашей литературе как талантливый художник слова, как летописец русской народной жизни, ее героев и подвигов» (1945, 25 февраля). Как это совместить с подозрением А. Толстого в шпионаже?

Дорогой читатель! Я надеюсь, что ты, прочитав эти заметки, понял, как оклеветали и оболгали Алексея Толстого современные недоброжелатели-литературоведы. Они приложили много усилий для того, чтобы представить замечательного советского писателя-патриота человеком неумным, использовавшим свой незаурядный талант в корыстных целях, циником, стремящимся к роскошной жизни, ради чего «продавшимся» советскому правительству, которое ненавидел втайне и потому лгал на каждом шагу. А он преждевременно умер, отдав все свои силы родной стране, которую любил до самозабвения. Не щадя себя, писатель разделил со своим народом его судьбу, страстно защищая его культуру, честь и достоинство, как в годы социалистического строительства, так и в годы героической борьбы с фашистским нашествием.

Ты можешь спросить меня: а зачем надо клеветать на А. Толстого теперь, когда прошло так много лет со дня его смерти? Ответу вопросом: а зачем надо было обвинять М. Шолохова в банальном литературном воровстве, замалчивать творчество М. Горького, А. Твардовского, Л. Леонова, художника П. Корина, композитора С. Прокофьева, чернить Галину Уланову и многих других великих деятелей советской культуры? Это явления одного ряда. А пока вернемся к А. Толстому.

Я занялась рассмотрением патриотической деятельности писателя в 30-е годы и в годы Великой Отечественной войны не только для того, чтобы выполнить просьбу его сына, Никиты Алексеевича, прозвучавшую в далеком 1983 году, но и потому, что правда о нем тесно связана с правдой о русском народе, который сейчас подвергается моральному геноциду. Его менталитет, его история, его настоящее и будущее подвергаются очернению, он оклеветывается, по меткому замечанию одного публициста, в положении угнетенного большинства.

В процессе работы выяснилась необходимость напомнить молодому поколению о том, кто победил фашизм, кто понес такие огромные потери, каких может быть не знала всемирная история, напомнить о беспримерном героизме советского народа, возглавляемого великим русским народом. Жизнь и творчество А. Толстого позволяют это сделать.

Известно, что в мире есть силы, желающие принизить подвиг советской страны и уверить молодых в том, что победа над Гитлером принадлежит главным образом англо-американским войскам. Не секрет, что в последние годы искажение истории России и характера Великой Отечественной войны достигло таких масштабов, что пришлось создать при Президенте РФ специальную Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории. К сожалению, работа Комиссии является малоэффективной. Анализ военных статей Толстого, написанных по горячим следам трагических и героических событий войны, опровергает домыслы фальсификаторов, и я пытаюсь показать тем, кто плохо знает историю, верит домыслам, а не фактам, как это все было на самом деле.

Военная публицистика А. Толстого еще раз напомнит и не только советской стране, но и всему миру, как дорого мы заплатили за свободу. О том, что главные потери и главные жертвы понес именно русский народ, народ, о котором нередко говорят и пишут, как о ленивом и пьяном быdle, не способном ни на какие творческие деяния. Что стоит, например, попытка охаять и подвергнуть сомнению подъем творческой энергии в годы социалистического строительства, обусловившего победу в борьбе с фашизмом.

Публицистика Толстого как раз и является неопровержимым свидетельством небывалого энтузиазма советского народа, в короткое время преобразовавшего страну и отстоявшего ее в трудных условиях войны. В своих статьях писатель утверждал мысль о том, что в переломные периоды истории необходима великая личность, которая сплотила бы народ, вселила веру в себя, в правильность избранного пути. Такой личностью Толстой, как и другие выдающиеся советские писатели, считал Сталина, на которого сейчас льются потоки грязи, демонизируя его, устраивая кампанию так называемой десталинизации, доходящую до абсурда.

В этом контексте нельзя не привести слова находившегося в это время в Москве А. Верта о воздействии выступления Сталина 3 июля 1941 года. Журналист-англичанин пишет: «Очень скоро в сознание советских людей глубоко проникла идея Великой Отечественной войны, борьбы не на живот, а на смерть. Слова об Отечественной войне, прозвучавшие в знаменитом выступлении по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий» (Россия в войне. 1941 - 1945. – С. 58).

Как известно, роль Сталина в борьбе с фашистской агрессией высоко оценивали такие великие исторические личности, как Черчилль и Рузвельт.

«Я думаю, что он является подлинным выразителем дум и чаяний России», – считал Рузвельт (цит. по: Советская Россия. 2012, 5 мая. – С. 1).

С огромным уважением отзываются о Сталине в своих воспоминаниях знаменитые советские военачальники.

«Богоданным вождем» называли его патриархи русской православной церкви Сергей и Алексей I. По словам православного священника Дм. Дудко, Сталин создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить. И, поверженную, ее боятся хваленые капиталистические страны (см. Сталин. Энциклопедия. – С. 423).

Наше время, вернее, безвременье, доказывает, как далеко отстали мы от эпохи Сталина, сумевшего так организовать страну, что она, победив в страшной войне, вышла на второе место в мире. Да, нам нужен руководитель масштаба Сталина, в которого поверила бы страна и за которым пошла бы, поднимаясь в своем экономическом и духовном развитии. Но для этого необходимо возродить патриотизм народов России, в первую очередь русского

народа. Первым условием подъема патриотизма является сближение и укрепление содружества народов России, которое в настоящее время вызывает беспокойство не только у самих народов, но и у правительства РФ.

К этому прямое отношение имеет правдивое освещение роли русского народа в судьбах многонациональной России. Вопрос этот не простой. Когда-то на закате великого государства, называемого Советским Союзом, один из честнейших поэтов XX века Расул Гамзатов написал: «А разве не спрашивает нас великая и многострадальная Россия: кто, почему и за что оклеветал меня и продолжает это делать? Разве мой народ не страдал вместе со всеми, а, может быть, и больше, не поделился со всеми братьями всем, что имел?» Знаменитый поэт тревожился, понимая, какими бедами грозит муслирование вины русского народа перед народами Советского Союза, что и привело ко многим трагическим событиям.

В связи с этим обращение к военной публицистике А. Толстого сейчас особенно необходимо. Писатель понимал, что единство народов – одно из условий победы и что ядром его является русский народ. Не случайно в годы войны представители народов СССР, оставаясь азербайджанцами, туркменами, чувашами, евреями, принимали на себя имя «русский» и нередко умирали со словами «Русские не сдаются!». Об этом необходимо вспомнить сейчас, когда в бывших республиках Советского Союза демонтируют памятники павшим солдатам и гасят Вечный огонь. Обращение к деятельности патриота-писателя и интернационалиста в дни мира и войны, может быть, напомнит о том, что забвение прошлого грозит большими бедами тем, кто не умеет хранить славу и героизм своих предков.

Это особенно касается молодых, для которых Великая Отечественная война кажется далеким малозначительным событием. Но ведь равнодушие к героике Великой Отечественной войны тесно связано с равнодушием к судьбе самой России. К сожалению, в последние годы многое делается для того, чтобы изменить психологический склад русского народа, говоря словами В.Г. Белинского, «манеру понимать вещи».

Русским усиленно внушают, что они обречены на исчезновение, что они неполноценная нация, приговоренная самой историей к терпению и покорности. «Великая, страстная душа Ивана Грозного», вызванная из небытия к жизни А. Толстым в годы войны, напоминает читателям, каким может быть русский человек, поставленный перед выбором: быть или не быть самой России.

Творчество А. Толстого в советские годы убеждает в том, что Россия была, есть и будет и никакому врагу не удастся ее сломить или уничтожить. Выстоял русский народ в войну – выстоит и в наше время, когда его лишили национальности, назвав нейтральным словом «россиянин». И в этом нам поможет страстная публицистика А. Толстого и все его творчество, единое в главной мысли: России быть! «Уезд от нас останется, и оттуда пойдет русская земля!».

Очень многим в нашей стране ясна необходимость возрождения и воспитания чувства патриотизма в моло-

дом поколения. Вместе с тем действительность преподносит нам все новые причины для беспокойства о поколениях. Так, почти одновременно с принятием Государственной Думой программы «Патриотического воспитания» (2010 г.) введено в учебный план средней школы изучение книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» вместо исключенных произведений советской классики. Известно, что в «Архипелаге» Солженицына допускается немало характеристик, очерняющих русский народ. О каком же воспитании патриотизма может идти речь, если все сочинения Солженицына – сплошное очернение русской истории? Историзм А. Толстого, пронизывающий все главные произведения, в том числе и военную публицистику, строится на любви к русскому народу, на чувстве восхищения его мощью и способностью, забыв обиды, в трудную для русской земли минуту, не жалея себя, дать отпор любому агрессору.

А. Толстого восхищали военные подвиги народа, он в самые трудные месяцы войны верил в победу и в неизбежность поражения гитлеровских замыслов, приближал ее. Мы же сейчас с изумлением читаем слова о том, что бывают поражения благословеннее иных побед. В качестве примера при этом приводится победа под Полтавой, которая якобы принесла только вред России.

Из всего этого естественно вытекает вывод, что нашу молодежь надо обязательно знакомить с военными статьями Толстого и других советских писателей. Более богатого материала для знакомства с героикой Великой Отечественной войны, пожалуй, трудно найти.

Статьи Толстого противостоят характерному для наших дней поучению: живи для себя, думай лишь о себе, все остальное тебя не касается. Вот и выросло за последние 25 лет поколение, которое руководствуется лишь эгоистическими побуждениями. Многие из молодых толком не знают, что такое фашизм, какую судьбу готовил он в свое время русскому народу и народам нашей страны. Не слышали они о маршале К. Жукове, о героях-комсомольцах, об А. Матросове и Зое Космодемьянской. А иные даже с лихостью малюют на стенах домов свастику и восторгаются Гитлером.

Чему тут удивляться? Ведь они не читали «Как закалялась сталь» Н. Островского, книгу, воспитавшую поколение героев, не изучали «Молодую гвардию» А. Фадеева, не слышали о Гастелло... Военная публицистика советских писателей не позволила бы им впасть в губительное беспамятство, заставила бы задуматься, кто мы и откуда родом, помнить об образах «мужественных предков». Ведь страстные публицистические статьи А. Толстого, И. Эренбурга, М. Шолохова, Н. Тихонова, К. Симонова и других советских писателей обладают магической силой и могут сказать о самой жестокой в мировой истории войне больше, чем тома исторических исследований, тем более, что некоторые из них порой грешат излишней политизацией, а то и прямой фальсификацией. Публицистика А. Толстого и сама личность писателя-патриота является отличной прививкой против небезуспешных, к сожалению, попыток исказить или замолчать героические страницы русской и

советской истории и очернить «самый непокорный в мире народ» – русский.

Стремление пересмотреть историю Великой Отечественной войны и перечеркнуть решающую в ней роль советского народа во главе с русским народом тесно связано с развернувшейся во всю мощь современной русофобией. Некоторые «мыслители» как на Западе, так и в нашей стране уже ставят крест на судьбе русского народа, считая, что он в скором времени вообще сойдет с исторической арены. По их мнению, слабые, безвольные, спившиеся русские более не способны ни к какому великому деянию и к середине XXI века покорно вымрут. Это пишут и говорят о народе, который вместе с другими народами Союза создал могучее государство, построил огромное количество заводов, ГЭС, АЭС, космические корабли, создал условия для всеобщего среднего образования, лучшую в мире систему здравоохранения, спас мир от коричневой чумы. Наш народ пытаются лишить чувства патриотизма, которое в кризисные периоды истории спасало страну от порабощения, а целые народы от физического уничтожения. Пытаются даже приравнять русский патриотизм к нацизму.

Чувство патриотизма противоречит стремлению врагов России расчленив страну, развести ее по отдельным квартирам и тем самым по существу вернуть ее к эпохе Московского княжества. Известно, что Калининград, Карелия, волжские республики уже пытаются заявить о себе как об отдельных государственных единицах. Не с этим ли связан вспыхнувший в последнее время интерес к личности Ивана Грозного?

Творчество А. Толстого военных лет: статьи, выступления, диалогия «Иван Грозный» – свидетельствует о том, что писатель глубоко верил в возможности русского народа, в его внутренние силы, в способность в кризисные периоды своей истории собраться с духом, встряхнуться, подняться во весь свой богатырский рост и в очередной раз заявить миру о своих возможностях и, как в свое время писал великий историк В. Ключевский, выйти на широкую дорогу мировой истории. Сейчас, как никогда, необходимо внушать эту уверенность молодому поколению.

От тенденции пересмотра итогов войны 1941–1945 годов неотделима тенденция оплевывания и очернения всего, что связано с периодом советской истории. На первый план выносятся только трудности, только ошибки советского времени, к делу и не к делу варьируется тема ГУЛАГа, репрессий второй половины 30-х годов, издержки коллективизации, трудности, которые пережил народ в связи с ускоренным процессом индустриализации. При этом сознательно замалчиваются те исторические обстоятельства, которые вынудили советское правительство прибегнуть к столь жестким мерам переустройства страны (или мы пройдем столетний путь развития в десять лет или нас сомнут!). Ревнителю десталинизации стараются не упоминать о зловещей роли набирающего в 30-е годы силу фашизма, неизбежность столкновения с которым рано поняли руководители страны во главе со Сталиным.

Во многих научных и публицистических выступлениях все громче и отчетливее звучит беспокойство о том, что большое количество молодых людей готово покинуть страну и что происходит массовый отток научных кадров на Запад, который кажется им страной обетованной. Для них родина там, где живется лучше. Как известно, раньше это было не свойственно нашему народу и теперь это явление связано с потерей чувства патриотизма. Жизнь А. Толстого, о которой сейчас необходимо напомнить без мифов и без обывательского копания в слабостях и ошибках, может быть уроком для молодого поколения, порой забывающего о том, что «без родины жить нельзя».

Проблема Россия и Запад – проблема, насчитывающая не одну сотню лет. В наше время она особенно обострилась. То, что молодежь наша мечтает о легкой западной жизни, объясняется не только легкомыслием, но главным образом тем, что это настроение умело подогревается определенными антирусскими силами, как и действиями, идущими от правительственных кругов. «Тупое, рабское, слепое подражание» Западу характерно сейчас почти для всех сфер нашей жизни, начиная от реформ образования и кончая попытками внедрить в России ковбойский образ жизни. Идет очень заметный процесс воспитания космополитического сознания, что является результатом хорошо спланированной бескровной войны.

Об этом еще в самом начале 90-х годов XX столетия в одном из интервью предупреждал В.Г. Распутин. Он говорил о том, что некие силы стремятся «ввести в действие мощный пропагандистский механизм денационализации с помощью сильнодействующих соблазнов, во-первых, богатыми западными витринами и, во-вторых, свободой от совести, морали и всякой ответственности, словом, духовно и морально изъять россиянина из его отечественного гнезда, соответствующим образом обработать, обесточить от всякой патриотической энергии и направить против нее же, России» (Распутин В.Г. Послужить России. Журнал «Мир женщины». 1992, январь. – С. 2).

Все это порождает – вместо гармонии национального с общечеловеческим – хаос и сумбур в головах малообразованного, не знающего нашей истории молодого человека, причем не только русского, но и представителя любой национальности, входящей в Российскую Федерацию.

Пренебрежению к родной стране, к славным традициям ее истории противостоят военные статьи А.Н. Толстого, полные боли и гордости за родной народ в его настоящем, прошлом и будущем. Современное западничество направлено к тому, чтобы граждане РФ забыли о своеобразии геополитического пути развития государства, не учитывая при этом одну из главных особенностей его – многонациональность и тесные исторические связи с Востоком.

В одной из своих статей о славянофилах и западниках А. Толстой дает характеристику поклонникам западного

пути развития как антипатриотов, стремящихся «тащить Россию кланяться Западу», подражать ему. Писатель особенность русской культуры видел не в рабском подражании Западу, а в освоении лучшего, что там есть. Эта мысль проходит через всю деятельность А. Толстого и его творчество не только военных лет, но и всего советского периода жизни писателя.

В наше время, характеризующееся нигилистическим отношением не только к советской, но и русской классической литературе, высказывания Толстого и его защита русской и советской культуры помогут вернуть гордость за наше Отечество и будут способствовать укреплению патриотического чувства в молодых неокрепших сердцах.

Как ни странно, но теперь приходится защищать даже Пушкина от стремления сбросить его «с парохода современности». Уже звучат слова о том, что язык поэзии Пушкина непонятен современным детям: отсюда следует попытка ограничить лексикон целых поколений, обеднить их духовный мир, заменяя русские слова англицизмами или сленгом. Не удивительно, что в пресловутой реформе среднего образования русская литература, по сути, становится факультативом. Не стоит доказывать, что все это приведет к воспитанию целых поколений роботов, или, говоря словами Ч. Айтматова, манкуртов, что в конечном счете окончится нравственным распадом страны. В военной публицистике А. Толстого явно звучит мысль о том, что борьба с фашизмом – это и борьба за право изучать и любить Пушкина и великую русскую литературу.

И, наконец, еще одно положение в пользу того, что публицистика А. Толстого не только имеет историческое значение, но и тесно связана с жгучими проблемами современности. Это стремление определенных кругов Запада и нашей либеральной общественности поставить знак равенства между фашизмом и сталинизмом, что звучит как оскорбление всем народам Советского Союза, спасшим мир от коричневой чумы. Обращение к страстным патриотическим статьям А. Толстого напомним еще раз нашим современникам, особенно молодым, о том, какая чудовищная пропасть разделяла наши страны – фашистскую Германию и Советский Союз.

Итак, дорогой читатель, надеюсь, ты убедился в том, что все поведение А.Н. Толстого, советского писателя, свидетельствует о его преданности родине, об искреннем и бескорыстном служении ей, о чувстве единения с советским народом, которому он посвятил самые плодотворные годы жизни.

Закончим свой небольшой очерк словами из некролога, подписанного крупнейшими советскими писателями:

«Творчество А.Н. Толстого явилось выражением лучших черт русского национального гения. Оно проникнуто безграничной любовью к родине, человеку, правде и красоте мира сего».

